

Б. КОНОФАЛЬСКИЙ

**Из записок опричного
монаха**

**ЛИНКОР
АЛЬБИОН**

Борис Конофальский
Линкор «Альбион»

«Автор»

2023

Конофальский Б.

Линкор «Альбион» / Б. Конофальский — «Автор», 2023

До объединения германских княжеств в империю осталось пару лет. Гамбург. Несколько человек, в том числе семнадцатилетняя девушка, пытаются уничтожить корабль, английский линкор, пока он стоит в порту и не вышел в море. Девушка теряет связь с остальными членами группы и остаётся одна. Но она храбра и решает продолжить дело. Сюжет для манги.

© Конофальский Б., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ЛИНКОР «АЛЬБИОН»	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Борис Конофальский

Линкор «Альбион»

ЛИНКОР «АЛЬБИОН»

Глава 1

Ах, что это было за утро! Просто удивительно светлое и чистое раннее утро одного из первых дней мая. По-летнему горячее солнце едва выплыло из-за крыш соседних домов и сразу выкрасило весь район в нежно-розовый цвет. Она открыла глаза.

– Молоко, сливки, сыр! – доносится с улицы. – Сливочное масло.

Девушка выпрыгивает из кровати и подбегает к окну, открывает его настежь. Розовый цвет рассвета и серый цвет уходящей ночи. И утренняя свежесть. По мостовой под окном хромой торговец сосисками Клаус уже толкает свою тележку к углу квартала. Тележка молочника Рёдля с бидонами стоит недалеко от бакалеи фрау Левенд. Дверь в бакалею открыта, там рабочее, идущие в порт, покупают кофе. И рядом в пекарне Круйера берут себе большие солёные брецели или сладкие цвейбаки.

Этот тёплый свет и красота утра действовали на девушку возбуждающе, не хуже утреннего запаха кофе, что разносился по улице едва уловимым движением утреннего воздуха. Но время не ждало. Пора было собираться, ведь это был очень важный день в жизни девушки. Сегодня ей предстояло выполнить первое своё задание. Настоящее задание. Ей нужно было попасть к девяти часам на станцию дирижаблей, что находилась на севере города, в районе Фульсбютль, а от Гамбургер-штрассе, на которой она жила, это больше часа бодрой ходьбы. Поэтому потягиваться и нежиться у окна она не собиралась. Тем более в своей полупрозрачной ночнушке. Ведь в доме напротив снимали квартиры студенты инженерной школы. Лоботрясы и повесы, любители поглазеть в окна, не раз пытавшиеся завести с нею знакомства. Она отошла от окна и сразу пошла умываться, сбросив на ходу ночнушку. Стала мыть лицо, грудь и подмышки душистым мылом и прохладной водой из кувшина, заодно по уже сложившейся привычке тихо повторяя неправильные глаголы:

– Ритен – ритт – гериттен.

Девушка гордилась тем, что за небольшое время так хорошо выучила язык, и ей нравилось, когда горожане, замечая её акцент, спрашивали:

– Фройляйн Зоя, вы, судя по всему, родом из Дрездена?

– Почти, – отвечала она с улыбкой, – я с востока, я из Кёнигсберга.

То есть собеседники в лаках и кафе, соседи и просто случайные люди были согласны с тем, что германский – её родной язык, просто говорит она на каком-то восточном диалекте. Но и с этим изъясном девушка собиралась покончить, поэтому внимательно слушала своих собеседников, надеясь, что избавится от акцента уже к осени. Впрочем, возможно, что в этом необходимости и не будет, ведь она не знала, где окажется осенью.

– Глитен – глитт – геглиттен...

Одежда. Выглядела она, конечно, немного вызывающе, даже капельку эпатажно. Так как почти никто из девушек этого города не осмеливался носить юбку «амазонка» с большим запахом, из-под которой были иной раз видны почти мужские панталоны голубого шёлка. К ним шли чёрные лакированные сапожки «а-ля кавалерист». Верх был более женственный, состоял он из белой блузки с кружевным воротником под горло, с такими же кружевными манжетами, и узенького жакетика в тон юбки. К жакетику очень подходили шарф цвета жирного молока

и перчатки тончайшей выделки. А венчала её костюм шляпка. Ну, если, конечно, настоящий мужской и суровый цилиндр непонятно-рыжего цвета с очками «авиатор» на резинке поверх тульи можно мило миновать женской шляпкой.

Первый раз увидав её в этом наряде, фрау Геберних, шестидесятилетняя хозяйка доходного дома на Гамбургер-штрассе, где Зоя снимала квартиру, поджав губы для пущей нравоучительности, жестом остановила девушку и едко заметила:

– Фройляйн Зои, ваш костюм уместен разве что на ипподроме или на авиашоу, здесь он смотрится вызывающе, если не сказать вопиюще.

Зоя же была умна, посему дерзить вздорной старухе, у которой она снимала квартиру, не стала; но и стелиться перед ней девушка не собиралась и поэтому ответила очень вежливо и на хорошем, как ей казалось, литературном языке:

– Этот костюм подарил мне мой горячо любимый жених сразу после обручения, уж извините, фрау Геберних, но я буду носить эту одежду из любви и уважения к своему будущему мужу, безотносительно её уместности.

Домовладелица опять поджала губы, теперь уже с видом глубокого неудовлетворения, но критиковать подарок жениха и уважение девушки к своему избраннику не решилась. И Зоя проскочила мимо неё по лестнице вниз на улицу. Теперь же, для посещения такого места как аэростанция, её вызывающий костюм будет уместен, как нигде больше. Тем более... Тем более, что именно в этой её необычной юбке, за отворотом у левого бедра, находился удобный потайной карман для маленького двухзарядного пистолета системы Порфирьева. Пистолетик был так мал, что мог спрятаться даже в женской ладони, поэтому и снаряжён он был небольшими шестимиллиметровыми патронами. Калибр, конечно, был невелик, как и убойная сила оружия, но слабость пули Зоя нивелировала филигранной стрельбой. На десяти шагах девушка поражала ростовые фигуры оппонента исключительно в глаза. Только в глаза. И добила в этом деле весьма высокого коэффициента попаданий. Восемь и восемь. Почти девять выстрелов из десяти она укладывала точно в цель. Причём мишени при этом двигались, раскачивались, да и сама дева не стояла на месте. В общем, стрелять к своим шестнадцати годам Зоя Владимировна Собакина умела изрядно. Проверив оружие, она положила пистолетик и два запасных патрона к нему на столик возле зеркала, как раз между помадой и коробочкой с пудрой.

Помимо пистолетика, в её личный арсенал входил также и двадцатисантиметровый стилет, больше напоминавший очень острое трехгранное шило, вернее трехлучевую звезду, выкованную из отлично закалённой стали. Стиллет, искусно упрятанный, замаскированный в стек для верховой езды, был всегда смазан свежим и крепчайшим экстрактом водяного болиголова. (Вчера вечером она смазывала его, готовясь к сегодняшнему делу). Ядом преопаснейшим. Одного пореза на коже человека, даже если это был очень сильный мужчина, хватило бы для того, чтобы через минуту у него начались мышечные судороги и, возможно, смертельные спазмы диафрагмы. И он, если и не умирал, то уже точно становился недееспособным. Неопасным.

Зоя вытащила стилет из стека, проверила, не высох ли на чёрном трёхгранном клинке яд. Нет, жирное вещество поблёскивало на оружии. Всё было в порядке, и она, спрятав стилет в ножны, положила его на столик. Последним её оружием была безобидная на вид и очень красивая заколка для волос из черепахового панциря. Казалось, что это обыкновенная вещица из тех, что предназначены для удержания в собранном состоянии тугого пучка густых светло-русых волос девушки, когда те нужно убрать под шляпку. Но вещица была не так проста, внутри неё была спрятана игла, похожая на те, которые называют цыганскими. Почти похожая. Один конец иглы был приплюснут и утоплен в прочном кусочке черепашьего панциря, чтобы её удобно было держать. Второй же конец... В нём находилось ушко иглы, а это ушко было заполнено почти прозрачной густой жидкостью, которую вполне заслуженно можно было считать

быстродействующим ядом. В общем, дева Зоя Владимировна Собакина, которую на Гамбургер-штрассе знали под именем Зои Лейденталль, была девушкой отнюдь не простой.

Она уселась на пуфик возле зеркала и стала быстро приводить себя в порядок – на это у неё ушло не более десяти минут, – потом оделась, обулась, упрятала пистолет в карман юбки, собрала волосы в тугий узел, заколола его своей опасной заколкой и накрыла этот узел модным цилиндром с очками «авиатор». Взяла в руки стек и взглянула на себя в зеркало. Зоя пришла к выводу, что она просто неотразима в этом модном наряде.

Правда, Поликарп Евграфович или, проще, отец Поликарп всё время повторял ей, что она должна быть серой, блёклой, незаметной, что должна покупать одежду самую, как он выражался, «затрапезную», но молодая дева просто физически не могла не купить себе этот наряд. Тем более, что средства ей были выделены, а отца Поликарпа она не видела уже два месяца как.

Она ещё раз осмотрела себя внимательно. Да, всё было прекрасно, ну а то, что юбка при ходьбе будет двигаться и, возможно, кто-то увидит шёлк её панталонов на коленке... Ну и что?! Это вовсе даже и не вульгарно. Говорят, что некоторые дамы в Париже для верховой прогулки вообще не надевают юбок, а напротив – надевают мужские панталоны. Ах, Париж! Как там, наверное, прекрасно. Конные прогулки, Сен Дени, Елисейские поля, дамы в мужских панталонах. Вот в Петербурге никто из дам не позволит себе появиться на публике в мужских панталонах. Ну, за исключением княжны Бельской или Агафьи Воротынской. Эти барышни смогут, не испугаются. Зоя была в том уверена. Она вообще хотела походить на этих светских львиц и записных красавиц. Девушка и свой вызывающий наряд купила, потому что видала подобный на Воротынской прошлой осенью. Впрочем, мечтать о Париже и о променадах по Невскому она будет потом, а сегодня ей нужно выполнить своё первое задание. И дева, ещё раз взглянув на себя в зеркало, и убедившись, что она неотразима, пошла к двери.

Эти балбесы из инженерной школы – они как раз сейчас пьют кофе у бакалейной лавки – будут ей кланяться и желать доброго утра. Она же лишь кивнёт им в ответ. Холодно кивнёт. Обычная вежливость, и не более. И пройдёт дальше, не удостоив их ответом.

Она выскочила из парадной своего дома и быстро пошла по улице. Есть ей совсем не хотелось. Ей часто не хотелось есть по утрам, а сегодня не хотелось особенно. Девушка волновалась из-за задания.

«Всё ли пойдёт по плану? Прилетит ли вовремя дирижабль... Нет, дирижабль – это в Париже или Петербурге... А здесь цеппелин, только цеппелин, и никак иначе. Не забывать об этом!».

Конечно же, у бакалеи стоят будущие инженеры, их легко узнать по тёмно-синим сюртукам с золотыми петлицами и маленьким фуражечкам. Их четверо. Они пьют кофе стоя, не садясь на выставленные у лавки стулья. Блюда и чашки держат в руках.

Один из них замечает девушку и сразу кричит:

– Фройляйн Зои! Доброго вам утра!

– О! Фройляйн Зои! – тут же подхватывает другой.

– Фройляйн Зои! Вы ещё прекрасней, чем нынешнее утро! – кричит третий и салютует ей кофейной чашкой. А после добавляет: – Этот костюм вам очень идёт. Вы собрались на прогулку?

– Ах, фройляйн Зои, вы разбиваете нам сердца!

И другие люди на улице начинают выглядывать её, чтобы рассмотреть, кому это там инженеры расточают комплименты. И этих людей тут немало. Приказчики, что уже идут в порт, но остановились выпить кофе, широкоплечие рабочие, в своей простой одежде, поедающие кренделя и булки, пожилая фрау в старомодной шуте и не очень чистом платье, – все оборачиваются на неё и видят девушку в необычном костюме. Ах, как это приятно. Особенно когда все слышат, как эти оболтусы ею восхищаются. Её щёки чуть покраснели от удовольствия, излишнего внимания и капельки стыда, но она и вида не подаёт, что эти комплементы её тро-

гают; правда вместо простого кивка головы студенты ещё получают и её улыбку. Но улыбку сдержанную. Фройляйн Зои не какая-то там белошвейка или модистка, готовая флиртовать с повесами на улице. Фройляйн Зои – серьёзная девушка, и помолвленная к тому же, так что кокетство ей не к лицу. Она проходит мимо студентов, лишь бросив на них быстрый взгляд. И вскоре она добирается до угла дома, за которым начинается узенькая улочка Эльза-штрассе, и по ней идет на север.

Молодая, сильная и тренированная дева умела ходить быстро и держать высокий темп продолжительное время, хотя и не всегда это было нужно, тем более сейчас, когда, несмотря на ранний час, солнце начинало припекать весьма ощутимо, а ей не хотелось попасть на станцию дирижаблей вспотевшей. К тому же ей нужно было останавливаться. Что она и делала возле вывесок галантерейных лавочек, или у дверей модных в городе портных, или у открывающихся кондитерских.

И останавливалась она не просто так. Делая вид, что глазеет на вывеску или витрину, она оглядывала улицу, смотрела, нет ли поблизости людей, которых она могла видеть чуть раньше. Она искала тех, кто мог за нею следовать. И один раз ей показалось, что какая-то старенькая, крытая пролётка движется следом, но как только Зоя заметила её, как та тут же благополучно свернула в какой-то проулок и скрылась из виду.

Показалось. И она чуть быстрее, чем до этого, двинулась к пункту своего назначения.

Гамбургская станция дирижаблей работает с раннего утра и до позднего времени. Поэтому вокруг неё всегдалюдно, и даже в двенадцать ночи здесь можно найти работающий ресторан. Уже с первых метров Кляйн-Борштеля и до самой станции всё свободное пространство было заставлено экипажами, дилижансами и почтовыми фургончиками с дремлющими на козлах возницами и кучерами, тут же была масса снующих служащих, встречающих, провожающих и, конечно же, пассажиров с сундуками и коробками. Толчея и суета.

Она замерла, когда из репродуктора на высоком столбе красивый женский голос объявил:

– Цеппелин «Померания», рейс Берлин-Гамбург, прибудет на станцию согласно расписанию в девять ноль пять.

Зоя взглянула на большие вокзальные часы, что висели на углу здания станции. И на тех часах было восемь сорок две. Ещё куча времени. И она подумала, что быстрая ходьба вызвала у неё здоровое чувство голода. А тут, в десятке шагов от неё, стояла тележка сосисочника, в которой на маленьком огне, в большом котле, в кипятке плавали разные сосиски. От белых баварских до коричневых бараньих. Конечно, воспитанная девушка не должна есть на улице, но уж больно здорово пахли те сосиски и так аппетитно смотрелись они в сладкой горчице и в белых булках.

Да, приличные девы из хороших семей не должны есть уличную еду как какие-то подёнщики, извозчики или рассыльные, но... Но ведь это был аэровокзал. Да и не было тут никого, кто мог бы её осудить. Здесь – она огляделась в который раз – вообще не было ни одного знакомого ей человека.

А к торговцу сосисками всего два человека в очереди, почему бы ей не взять себе одну? И она встает за последним. Продавец обслуживает покупателей очень быстро: деньги, сдача, булка, сосиска, горчица – готово, следующий. Бойкий дядечка. Не прошло и пары минут, как подошла её очередь:

– Баварскую, пожалуйста, – произносит девушка и протягивает продавцу монетку в пять пфеннигов.

– Конечно фройляйн, – отвечает торговец и, бросив на неё взгляд, добавляет: – баварская сосисочка для прекрасной фройляйн.

Пока он берёт из-под полотенца тёплую булку, пока ловит сосиску в чане, пока кладёт на неё горчицу, Зоя глядит по сторонам. И когда уже блюдо готово, когда сосисочник кладёт вкусятину на бумагу и протягивает её девушке – «Прошу вас, фройляйн», – она замечает то,

от чего у неё пробегает холодок меж лопаток. Зоя сразу отвернулась: «Если заметишь опасность, первым делом сделай вид, что ты опасности не видишь».

Это была одна из первых заповедей, которой её обучил наставник Поликарп Евграфович Щеглов, а ещё он говорил ей: «Запомни, дева, любое совпадение надобно проверить. Любое. Так как может статься, что это и не совпадение, и не случайность, а лютая закономерность. Всегда будь начеку!».

Она, не поворачивая головы к тому предмету, что интересовал её сейчас больше всего, машинально взяла у продавца сосиску в булке и улыбнулась вежливо:

– Спасибо.

– На здоровье, фройляйн, на здоровье.

Но она уже не слушала его; она сделала вид, что хочет отойти в сторонку и съесть сосиску, сама же снова, быстро и почти не поднимая головы, взглянула в нужную ей сторону.

Нет, это была не случайность. И Зоя уже знала это.

Глава 2

Среди суеты и многолюдья дева снова нашла её глазами. Сомнений не было... Это была она, та самая фрау, которую час назад девушка видела на Гамбургер-штрассе возле своего дома. И ошибка была исключена. Глаз Зои был натренирован, как и её память. «Всё видеть, всё помнить, анализировать быстро». Так её учил иеромонах Поликарп. Приговаривая после: – «Запомни, информация без анализа – пустое, так что думай быстро, ибо в сложной ситуации иного способа уберечься у тебя не будет».

Она прекрасно запомнила это замызанное зелёное платье – фрау давно не была у прачки, – эту шляпку-шуте с зелёной лентой... Чуть сгорбленная, немолодая и, судя по расквашивающейся, ковыляющей походке, ещё и не совсем здоровая женщина... Добралась сюда так же быстро, как и Зоя.

«Думать быстро!».

«Она нипочём не утнулась бы за мной пешком, значит, наняла экипаж! Двадцать пфеннигов. Сюда доехать дешевле не получится. Потратилась, но зачем? Зачем приехала? Что нужно весьма небогатой на вид фрау на станции дирижаблей? Улетать она не собирается, у неё даже дамского ридикюля с собой нет. Да и не по карману ей должны быть перелёты. Встречает кого-то? Кого? На дирижаблях летают люди состоятельные, вряд ли эта замарашка имеет таких знакомых. Приехала поглядеть на дирижабли? Уж лучше бы к прачке сходила». Слишком много вопросов возникало в этой, казалось бы, простой ситуации. Слишком много. Девушка, чувствуя волнение, уже понимала, что появление этой женщины здесь – не простое совпадение, но всё ещё надеялась на лучшее.

«А вдруг?!».

Теперь её задание было под вопросом. Она просто не могла рисковать, поэтому не знала, что делать дальше. И чтобы сделать следующий ход, ей необходимо было разобраться в ситуации. Знать, что называется, наверняка: появление этой дамы на станции – случайность или закономерность?

Есть сосиску ей расхотелось, от слова «совсем», но она, чтобы не вызвать подозрения, если вдруг за неё наблюдают, с видимым удовольствием откусила большой кусок одновременно и булки, и сосиски. И, почти не чувствуя вкуса, начала жевать. Приличной девушке не пристало есть на улице, а уж тем более есть на ходу... Но сейчас приличия волновали её в последнюю очередь.

Смотровая площадка.

Чуть в стороне от здания аэровокзала была небольшая возвышенность с перилами-ограждениями, на которой вечно толпились зеваки, пришедшие на станцию, чтобы посмотреть на прилёт или отлёт дирижаблей. Молодые люди, юноши с романтическими мечтаниями о дальних странах, приходили туда с подзорными трубами и театральными биноклями, чтобы видеть, как медленно огромные сигары цепелинов спускаются с неба и плавно швартуются у специальных штанг-пирсов. То было завораживающее зрелище, что уже не первый год собирало изрядное количество благодарных зрителей. Делая вид, что она наслаждается сосиской, девушка отправилась на смотровую площадку и поднялась на неё по лестнице.

Народ там толпился и сейчас, но Зоя уже привыкла к тому, что ей тут же позволят пройти и уступят лучшее место. Для красивой девушки подобное поведение мужчин было не в новинку. И конечно же, так и случилось, и её пропустили вперёд к самым перилам.

– Вон «Померания» идёт. – воскликнул один из молодых людей.

– Да где же? – вопрошал другой, глядя в небо через подзорную трубу. – Не вижу!

– Да что же ты, слепой, что ли?! – кричал третий. – Болван! Цепелина в небе не увидел!

Вон с виража заходит на швартовку!

Зоя и без увеличительных приборов прекрасно видела, как огромный дирижабль совершает швартовочный манёвр. Но сейчас деву интересовали вовсе не передовые чудеса техники. Её со всех сторон окружали молодые мужчины и юноши. Она взглянула на стоящего рядом молодого человека с театральным биноклем и, поняв, что он тоже смотрит на неё, произнесла с заискивающей и обворожительной улыбкой:

– Молодой господин, не позволите ли вы мне воспользоваться вашим биноклем?

– О да, да, – молодой человек обрадовался, что к нему обратилась столь милая и столь яркая особа, и сразу отдал ей свой бинокль; попроси она у него кошелек, наверное, он расстался бы и с ним без размышлений. – Конечно, фройляйн, прошу вас.

– Благодарю вас, – всё так же улыбаясь, произнесла Зоя, бросила вниз, за перила, недоделанную булку с сосиской и взяла бинокль.

Молодой человек немного удивился, поняв, что девушка смотрит не на приближающийся цеппелин, а совсем в другую сторону.

– Фройляйн, «Померания» вон там, – указал он в небо.

Но фройляйн только и ответила ему:

– Да-да, прекрасно.

И продолжила рассматривать всё что угодно, но только не дирижабль. Мало того, делала она это, необыкновенно близко подойдя к молодому человеку и выглядывая из-за его плеча.

И тут её как будто обожгло изнутри. Как там говорил ей её наставник? Не совпадение и не случайность, а лютая закономерность. Вот именно так и было. Появление старухи на станции не было случайностью. И шляпу старомодную, которая почти всегда скрывает лицо женщины, она нацепила, чтобы её рыло не бросалось в глаза. Старуха была здесь не случайно и была здесь не одна. Это стало ясно девушке, когда она нашла глазами крупную фигуру, что торчала на углу аэровокзала. Это был высокий человек с необыкновенно широкими плечами. На нём был «глухой» чёрный сюртук и глубокая, до бровей, чёрная шляпа. Он стоял вплотную к стене, тщетно пытаясь быть незаметным. Но его длинные руки в перчатках, мощный торс, тяжёлая челюсть не дали Зое усомниться в его причастности к происходящему.

И пожилая фрау, и этот чёрный человек-шкаф были тут неслучайно. И ждали они... Надо полагать, её, Зою Владимировну Собакину или, скорее, фройляйн Зою Лейденталль, проживающую на Гамбургер-штрассе в доме фрау Геберних. Девушка уже в этом не сомневалась, как и в том, что этими двумя всё не ограничится.

– Фройляйн, куда же вы смотрите? – произнёс вежливо хозяин бинокля. – Цеппелин там, вон он, смотрите, идёт на малом ходу к штангам пирса, он уже скинул швартовые фалы. Вон те верёвки видите?

– Ах вот как? А я, что, смотрела не туда? – удивлялась девушка с завидным для её случая хладнокровием. Сама же продолжала рассматривать в бинокль толпы народа, что собрались возле и вокруг здания аэровокзала.

И снова она не ошиблась. Снова её молодые, цепкие серые глаза нашли подтверждение её правоты. Ещё одно. Точно такой же «чёрный человек-шкаф» стоял у входа в здание и прятался за лотком с табаком.

Её хладнокровие, кажется, заканчивалось. Тугая удавка страха стала сдавливать её горло. Дело и вправду было нешуточным. Совсем нешуточным. Не зря отец Поликарп учил её не верить в совпадения.

Да и какие это совпадения, какие случайности – одна и та же старуха в шуте попадает ей на глаза сначала у дома, а теперь ещё и тут, на аэровокзале, – громилы из секретной службы Короны. И всё это именно в тот день и в тот час, когда сюда, в Гамбург, из Варшавы через Берлин прибывает курьер со средствами для планируемой операции. Или, как говорили сами участники, «для акта».

А курьером, что вёз деньги, был славный Ванечка. Молодой, румяный, двадцатилетний человек приятной наружности и доброго нрава Иван Андреевич Солдатов, которого Зоя знала лично. Поэтому её и послали его встретить. Зоя, услышав о таком задании, обрадовалась, она даже представляла, как будет удивлён Ваня, когда увидит её в таком смелом наряде на аэровокзале среди встречающих. После этого она должна была отвезти его на тихую и чистенькую улочку Кругкоппель, посадить за столик одного небольшого и тихого кафе, что находится на берегу озера, и уйти. На том её миссия заканчивалась. А теперь что? Что ей делать теперь? Само собой разумеется, что к Ване ей подходить и близко нельзя. Их сразу схватят, схватят обоих. Для этого ей дали сюда прийти, хотели выйти на курьера. И она их сюда привела. Но как они узнали об этом?

«Это провал! Среди нас есть предатель!».

В этом у девушки сомнений не было.

– Фройляйн, – вежливо продолжал хозяин бинокля, – вы всё время смотрите не туда, смотрите же, вон... Цеппелин уже швартуется.

– Ах да, конечно, – Зоя развернула бинокль к цеппелину.

Ей нужно было несколько секунд, чтобы принять решение. И решение это было очень, очень непростое. Ведь у неё были чёткие инструкции, которым дева должна была неуклонно следовать. И один из пунктов этой выученной наизусть инструкции гласил:

«В случае малейшей опасности немедленно покинуть опасное место, а покинув его и убедившись, что нет слежки, – затаиться в укромном месте и сообщить старшему о произошедшем. И сделать это при помощи телеграфа или почты».

Зоя глядела в бинокль на огромный швартующийся дирижабль и думала о том, что она может легко уйти с аэростанции. Эти мужики в чёрном не бегуны. Конечно, если твари из Интеллидженс сервис проводят тут операцию, скорее всего где-нибудь рядом отирается пара кривоногих, от которых ни один человек убежать не сможет, но для них у девушки был запасён в потайном кармане двухствольный аргумент и стек для верховой езды. Кривоногие – прекрасные бегуны, но бойцы из них никудышные. Девушка была уверена, что сможет уйти с аэростанции, но вот... Ванечка...

Она, конечно, уйдёт, но у тварей из Интеллидженс сервис наверняка уже есть список прибывающих на «Померании».

«Они молниеносно отсортируют пассажиров и найдут его. Это они умеют. Найдут его, найдут... Для этого им нужно будет только заговорить с ним. У него иногда проступает русский акцент. Они вычислят его, лишь только заговорив с ним. Сразу поймут, что он и есть тот, за которым я сюда пришла. И тогда...», – Зоя знала, что будет тогда. Но даже думать не хотела о том, что может случиться с Ванечкой. – «Уж лучше ему сразу принять яд».

– Фройляйн, мне неудобно просить вас об этом, но мне было бы проще обращаться к вам по имени, поэтому разрешите представиться: Генрих Ройке, – чуть волнуясь, произнёс владелец бинокля, склонившись к её уху.

Зоя оторвалась от бинокля. Дева смотрит на этого, в общем-то, приятного молодого человека, и у неё в голове рождается план. План, при котором у Генриха Ройке, милого хозяина бинокля, нет почти никаких шансов выжить. Но ей становится жаль этого ни в чём не повинного человека, и она отвечает ему немного высокомерно:

– Извините, но я помолвлена. А ещё... Я не из тех, кто знакомится с мужчинами на улице, – и после протягивает ему бинокль: – Благодарю вас, господин Ройке.

Девушка идёт к спуску с площадки. Она не показывает вида, но, зная, что на неё смотрят, держит, что называется, марку. Её носик вздёрнут, и она чуть-чуть улыбается. Ей ужасно страшно, по-настоящему страшно, ведь опасность совсем рядом с нею. Но Зоя не показывает вида. Мало того, она совсем не скрывается. Пусть старуха в шуте, огромные мужики в чёрных сюртуках и все те, кого она не смогла отыскать глазами, её видят, они должны считать, что ей о

них ничего не известно. Но Ванечку... Ванечку она спасёт, отведёт от него опасность, а потом уже и сама уйдёт от тварей. Она сможет. Не зря её готовили с самого детства.

Глава 3

Кривоногий. Она заметила его у места выгрузки багажа. Этот урод с короткими и кривыми ногами отирался там, полагая, что его не видно. Но дева сразу различила его в толпе. Невысокий тип в дурацкой шапочке и грязном, кургузом кафтанчике. На вид выглядел, как мальчишка-подросток, но его неприятная, обезьянья физиономия заросла густыми бакенбардами. Ноги его были кривы, но убежать от такого уродца простому человеку, да и непростому, было сложно. Вернее, невозможно. А ещё они имели большие, по-обезьяньи приплюснутые носы, которые использовали так же, как их используют собаки-ищейки. Опасная в преследовании тварь, но, слава Богу, не очень эффективная при непосредственном контакте. Правда, об этом девушка знала лишь из теории, а на практике... Ну откуда у неё могли взяться практические знания, если поездка в Гамбург была её первой командировкой. Первым её делом.

Может поэтому, столкнувшись с заклятым и по-настоящему страшным врагом воочию, она испытывала сильное волнение и... настоящий страх. Страх. Это удушающее чувство, от которого у неё останавливалось дыхание и которое ей удавалось подавлять только усилием воли. А с дрожью в руках дева справилась, лишь сжав кавалерийский стек изо всех сил.

Вот и сейчас, проходя мимо кривоногого и приближаясь к человеку-шкафу, что торчал на углу здания, она едва сдерживала себя, чтобы не развернуться и не пойти из этого ужасного места прочь. Убраться, скрыться, сбежать как можно дальше от этого всего требовал от девушки её природный инстинкт. Но несмотря на это, она шла как раз в самую гущу, в самый эпицентр опасности. И чего ей стоило заставить себя делать это, Зоя и сама не понимала.

Тем не менее, через это оглушающее чувство опасности пробивались и здравые мысли, она даже пыталась анализировать сложившуюся ситуацию:

«Интересно, а кто из ИС руководит этой операцией? Скорее всего, леди Рэндольф. Конечно, она». Зоя знала, что леди Джорджиана или, как её ещё называли, Холодная леди Кавендиш, руководительница гамбургского отделения ИС, редко выходила из своего дворца из-за преклонного возраста и, как правило, посылала работать «в поле» свою юную помощницу.

Увидеть саму леди Рэндольф девушка, конечно, не могла. Зоя прекрасно понимала, что англичанка сидит где-то в крытом экипаже и лишь отдаёт приказания через посыльных, но девушка прекрасно представляла её себе. Перед операцией деву в обязательном порядке знакомили с оппонентами, с теми, кто будет ей противостоять, показывали их фотографии, и Зое врезались в память облик молодой и строгой или, скорее, жёсткой женщины с темными волосами, колкими карими глазами и тяжёлой челюстью балаганного боксёра.

Дева вдруг подумала, что нынче ей предстоит увидеть леди Рэндольф не на фотографии, а воочию.

– Внимание, встречающие! Цеппелин «Померания», прибывший из Берлина, пришвартовался у четвёртого пирса. Прибывших можно будет встретить у четвёртых ворот. Повторяю...

Зоя немного судорожно вздохнула и ещё крепче вцепилась в свой стек. Дева понимала, что пока она не встретит курьера, её «братья» не будут. Но до выхода Ванечки из ворот номер четыре оставались считанные минуты, а значит, скоро, очень скоро всё, чему она училась почти всю свою жизнь, ей понадобится, по-другому и быть не могло. Но пока пассажиры ещё не начали появляться у выхода с пирсов, ей нужно было осмотреться. Дева подошла к лавке с газетами, сделала вид, что читает свежие заголовки. Сама же быстро осматривала огромный зал здания станции. Кресла в зоне важных гостей, лавки для обыкновенной публики, кофейные лотки, дамские уборные, пекарня, ресторан, мужские уборные, кассы, выход в служебные помещения, полицейские... Пара крепких мужчин в форме и касках стоят, лениво болтая, у зоны для важных господ. Ещё один облокотился на стену возле огромных ворот входа в здание.

Полицейских тоже можно считать врагами, они всегда действуют в интересах англичан. Такова политика вольного ганзейского города Гамбурга. И ещё одна старуха в шуте, копия той, которую уже видела дева, и на этой тоже грязное платье, правда, некогда оно было красного цвета.

Шуте. Зоя быстро отвела от старухи глаза.

«Прекрасная шляпка, чтобы прятать уродливое лицо переделанного человека, но им нужно как-то разнообразить наряд своих филёров. А то они начинают бросаться в глаза».

Кажется, её начинал покидать страх. Да... Чем ближе подходила минута встречи, тем твёрже она брала себя в руки и тем спокойнее становилась.

Служебный вход. Ах, как жаль, что ей не пришла в голову мысль прийти сюда, например, вчера и изучить всё здание на предмет непредусмотренного отхода. А ведь отец Поликарп говорил ей неоднократно: «всегда и заранее исследуй место, где будет происходить акт, ты должна знать местность досконально!».

Но разве она могла знать, могла предположить, что простое задание встретить и проводить в условленное место курьера станет её настоящей проверкой. Настоящим испытанием. Акцией. «Ты всё должна знать, ты всё должна предвидеть, быть ко всему готовой».

Должна была. Но... Не получилось. И теперь ей придётся импровизировать. Работать, как говорится, с листа. Зоя переводит свой взгляд в сторону и встречается глазами... с одним из полицейских, стоявших метрах в двадцати от неё. Да, этот человек смотрел на неё, и это был взгляд осмысленный, внимательный и холодный. Она часто ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин всех возрастов, но это был совсем другой взгляд.

«Полицейские тоже в курсе, – сразу поняла девушка. – Значит, к тварям присоединятся ещё и они! Задача усложняется!».

Это понимание могло вызвать у совсем юной девушки новый приступ страха или даже отчаяния... Но вместо страха, который после таких мыслей, казалось, должен был снова овладеть девушкой, у неё лишь укрепилась решимость.

«Они непременно вычислят Ванечку, если я уйду», – решила Зоя и, сделав над собой усилие, двинулась к воротам, что вели на четвёртый пирс, вслед за другими встречающими.

А прибывшие на дирижабле наконец стали выходить. Первыми были шумные дамы, как правило, с детьми и гувернантками, – Зоя знала, что женщин и детей всегда выпускают первыми, – а уж за ними стали появляться в проходе и господа. Протискиваясь среди обнимающихся людей, появился и он. Едва увидав его, дева поняла, что поступила правильно, оставшись на станции. Его было трудно не заметить.

«Ах, Ванечка, какой же вы болван!».

Иван Солдатов был неотразим: молод, высок, румян и великолепно одет. Короткий сюртук темно зелёного бархата, который прекрасно сочетался с расписным жилетом синего шёлка, бежевые панталоны и в тон им великолепный цилиндр, что следовало последней петербургской моде, перчатки, трость, небольшой изящный саквояж и великолепный алый галстук... Просто петербургский щёголь, собравшийся прогуляться по Невскому проспекту.

«Господи, Ванечка, ну разве так должен выглядеть унылый берлинский бюргер, прилетевший по делам семьи в Гамбург?!».

Он искал её среди десятков людей, а Зоя, заметив его, остановилась и не сходила с места. Теперь ей нужен был тот, на кого отвлекутся твари и полицейские. И она, быстро отбраковывая неподходящих пассажиров, нашла такого господина.

Это был крупный мужчина с заметным животом и большими усами, он носил котелок, тёмный добротный сюртук и жилет, увенчанный золотой цепочкой для часов. В крепкой руке он легко нёс немаленький саквояж, что говорило о его силе.

Именно он и должен был спасти Ванечку. Этот немаленький человек не знал, что его выбрали и что его ждёт незавидная участь. А дева знала, но для неё его судьба не имела значе-

ния, сейчас нужно было спасать курьера любыми возможными способами, иначе акт возмездия, задуманный святыми отцами, мог и не осуществиться.

Она двинулась вперед и, зная, что за ней следит не одна пара глаз, подняла руку и призывно помахала. Те, кто за нею следил, не могли узнать, кому она машет, так как девушке в ответ никто рукой не помахал. Но она уверенно шла вперед, стараясь попасться на глаза курьеру. И Ванечка её увидал. Среди суеты и толкотни, среди людей, багажа и носильщиков он нашёл её глаза. А Зоя нашла его. Но как только их взгляды встретились, как только Ванечка готов был улыбнуться ей, она тут же отвела свой взгляд и в одно мгновение подлетела к тому крупному мужчине с усами, которого выбрала из толпы прилетевших. Подлетев к нему и загордив ему путь, она сделала быстрый книксен и, улыбаясь господину со всей возможной для неё обворожительностью, произнесла:

– Гер Шнайдер, я рада вас приветствовать на земле вольного ганзейского города Гамбурга. Вас ждёт оплаченный номер в гостинице, – при этом она рукой указала ему на выход. – А на стоянке экипаж.

Этот усатый господин поднял на неё удивлённый взгляд.

– Номер? Какой ещё номер? Фройляйн, вы, судя по всему, ошиблись, – заговорил он с заметным богемским акцентом. – так как я вовсе не Шнайдер. Моя фамилия Поланек.

Всё это господин говорил вежливо, тоном доброй снисходительности к красивой девушке, которая, как ему было понятно, с кем-то его перепутала.

– Вот как?! А я думала, что это именно вы герр Шнайдер из Берлина, – она разговаривала с господином Поланеком, но сама из-за его плеча искала взглядом Ванечку, который должен был вот-вот подойти. И нашла его. Их взгляды снова встретились. И дева тут же отвела от курьера глаза и теперь уже с видимой любезностью продолжила разговор с усатым господином: – Ах, как я глупа. Неужели я ошиблась?

Иван Солдатов был достаточно умен, чтобы понять, что всё это неспроста, он знал, что Зоя не могла ошибиться, что она видела его и не подошла к нему, и если она так себя ведёт, значит, что-то пошло не по плану. Иван не стал останавливаться, не стал заглядывать девушке в глаза, махать ей, а просто непринуждённо прошёл мимо Зои вместе с другими пассажирами дирижабля «Померания».

И дева, убедившись, что он удаляется в сторону выхода из здания аэровокзала, продолжила свою игру:

– Ах, я такая рассеянная, – говорила она мужчине, который хоть и торопился, но из вежливости всё ещё не уходил от неё. – Просто должен был прилететь наш адвокат из Берлина, бабушка посла меня встретить его. А вы на него очень похожи, но я его давно не видела.

– Я очень сожалею, фройляйн, что не я ваш адвокат, – отвечал мужчина, улыбаясь юной красавице.

– А знаете, герр Поланек, всё равно экипаж уже оплачен, почему бы вам не воспользоваться им? – вдруг предложила Зоя и смело взяла мужчину под руку, и... тот неожиданно согласился:

– У вас оплачен экипаж? – спросил он. После чего без лишних рассуждений пошёл с нею.

– Да-да, оплачен, – говорит дева, сама же при этом вглядывается вперед и с чувством некоторого облегчения убеждается, что Ванечка уже выходит из здания аэровокзала.

Теперь ей осталось только самой покинуть вокзал. Там, на улице, лёгкая и быстрая, она почувствовала себя намного увереннее. Но, кажется, это понимали и те, кто пришёл за нею и курьером. Те самые два полицейских, один из которых её рассматривал, двинулись к ним с господином Поланеком. К ним, к ним, сомнений в этом у Зои не было, так как на этот раз оба стража порядка внимательно смотрели на них и приближались, быстро обходя людей, что попадались им на пути.

«Меня не выпустят из здания! -Зоя поняла это сразу, как только заметила полицейских. – Всё. Как говорит Евграф Савельевич: карты вскрыты!».

Поняв это, девушка больше не могла держать себя в руках, больше не могла улыбаться и выглядеть хладнокровной; она, не отрывая глаз от полицейских, выпустила руку Поланека, который как раз спрашивал её про экипаж, и стала бочком, бочком уходить в самую гущу народа, решив затеряться среди людей. Но полицейские тут же перешли с шага на бег. Один из них достал свисток и засвистел звонко и протяжно. Для неё такие грузные мужчины не были проблемой, их налитые пивом животы не позволили бы стражам порядка и приблизиться к быстрой девушке, но... Нырнув в плотную толпу людей, она нос к носу столкнулась с мерзкой бабой в грязном старом платье и этой уродской шляпе-шуте. Баба сразу вцепилась ей в рукав. И лишь подняв глаза и заглянув бабе под шуте, дева поняла, почему та носит шляпу, скрывающую от людей лицо. Подбородок этой женщины порос жиденькой растительностью – «фу, как это некрасиво», – а приплюснутый нос и круглые глаза отдалённо походили на... обезьянью морду.

Отец Поликарп, конечно, показывал ей фото людей, которых в лабораториях Лондона вивисекторы скрещивают с разными животными, но то фотографии, а то... Рыло бабы было омерзительно, и усиливало омерзение Зои то, что ей в рукав впявились тёмные, также поросшие волосами пальцы мерзкого существа, а само оно, разинув рот, полный крепких зубов, заорало гортанно и резко:

– Воровка! Воровка!

«Воровка? Это ты, гадина, про меня, что ли?». Зоя на какое-то мгновение опешила от обиды и возмущения, но тут же пришла в ярость, которую усиливал ещё и страх, что полицейские уже движутся к ней.

«Раз, бьёшь – бей со всей силы!», – учил её отец Поликарп. И так закрепил в ней этот простой постулат, что по-другому девушка бить и не умела. К тому же она была натренирована бить туда, где её в общем-то не очень сильный, девичий удар может нанести противнику наибольший урон. Или как минимум шокировать его и вывести на время из строя. Ещё не успела баба набрать воздуха, чтобы в третий раз проорать: «воровка!», как дева вырвала из её мерзких пальцев рукав своего жакетика и со всей силы пнула её прямо в колено. С размаху, с оттягом, пыром. И попала Зоя на удивление точно. Прямо под коленную чашечку. В сапожках, может быть, немного неудобно бегать, но для удара их подошва из многослойной кожи подходит как нельзя лучше. Существо тут же запрокинуло голову, раззявило пасть еще шире и заорало натужно:

– А-а-а...!

Зоя же локтем, как учили, резко дала ей в её большие зубы и, повернувшись к удивлённо смотрящему на неё господину Поланеку, прокричала:

– Поланек! Это засада! Уходите!

Звонкий девичий голос разнёсся по всему зданию вокзала, перекрыв все остальные звуки, разве что свистки полицейских звучали громче. И на аэровокзале случилось некоторая кутерьма, а дева, увидев, как полицейские налетели на Поланека и сбили его с ног, дальше смотреть не стала; она что было сил бросилась бежать в сторону служебного входа, так как понимала, что из главных ворот ей выйти не дадут.

Глава 4

Тюки, чемоданы, баулы, коробки для шляп, она перепрыгнула через целую кучу ручной клади. И полетела, огибая испуганную публику, едва касаясь бетонного пола своими сапожками. Люди шарахалась от неё, носильщики уворачивались, испуганный начальник станции, увидав её, выпучил глаза и тоже принялся свистеть в свисток, а молодые мужчины начали залихватски посвистывать деве вслед и даже подбадривать её, дамы же испугано вскрикивали, гвернантки мужественно прикрывали от неё детей своими телами, а она бежала ко входу в служебные помещения, надеясь укрыться там от лишних глаз и найти выход на улицу. И у неё почти получилось. Она бы проскользнула в проход, не перехвати её маленький, но ловкий и быстрый человек с кривыми ногами и в форме посыльного. Он буквально прыгнул на девушку, сбив ей с головы её залихватский цилиндр с очками, обхватил за плечи сзади, крепко приник к ней, едва не свалив её, и закричал мерзко, срываясь на визг:

– Держу её, держу её...! Все ко мне-е-е, помогайте...!

Зоя даже почувствовала его отвратное дыхание на своей щеке. Мускус, едкий пот и давно не чищенные зубы, и от этого запаха её чуть не стошнило. Глядя на фотографии этих неприятных существ, девушка и подумать не могла, что твари к тому же ещё и так воняют. Это был как раз один из тех кривоногих, от которых так трудно было убежать. Но с этой нечистью, в отличие от полицейских, святые отцы разрешали не церемониться. Как-то само собой из ножен выскочило чёрное жало стилета, она половчее перехватила оружие, чтобы то поудобнее легло в руку, и сунула его себе под мышку и за спину.

Секунда, вторая. Зое даже показалось, что лезвие её смертельно опасного оружия прошло мимо цели, так легко оно вошло в плоть уродца, но орущая пасть вдруг сомкнулась, а через стиснутые жёлтые зубы донёсся слюнявый судорожный всхлип. Хватка существа сразу ослабла. А девушка вернула своё оружие из-за спины и спрятала его в ножны, даже не очистив от чужой противной крови, а ещё обнаружив на своём правом белоснежном манжете парочку ровных красных кружков. В иной раз она бы расстроилась – пачкать свою прекрасную одежду Зоя очень не любила, – но теперь дева лишь спрятала стилет в ножны, а кровь на манжетах... Зоя тут же забыла про кружева. «Да Бог с ними». Всё это произошло так просто и так быстро, что она и не заметила первой своей победы. Враг, оседающий на чистый бетонный пол, был ещё жив и чем-то булькал в своём вонючем горле, но его время было сочтено. С ядом, которым было смазано оружие девы, организм кривоногого не совладал бы. В своих мечтаниях и мыслях будущие схватки с врагами она представляла совсем не так, как это случилось только что. А сейчас дева даже не взглянула на поверженного уродца. Ни пафоса, ни героизма, просто убитая тварь сучит своими стоптанными набок ботинками по чистому бетону.

– Убили! Убили! – завывала бабка в грязном платье и шуте; она, держась за колено, валялась, как и кривоногий, на полу, но была, в отличие от него, жива. И визжала на весь вокзал: – Воровка человека убила! Хватайте её!

Терять время было больше нельзя, и Зоя, даже не взглянув на кривоногого и на визжащую старуху, летела дальше, лавируя меж пассажирами и встречающими к такому близкому уже входу в подсобные помещения. Но потраченные на кривоногого секунды разрушили её планы: у прохода, видимо, направляемый чьей-то волей, уже появился огромный, как шифоньер, человек в чёрном сюртуке, шляпе и перчатках. Ещё одна тварь, с которой управиться так же быстро, как и с кривоногим, у неё точно не получилось бы.

Девушка сделала по инерции несколько шагов к проходу, но, пробежав эти шаги, поняла, что в подсобные помещения ей не проскочить, уж больно проворно эта горилла в чёрном спешила перекрыть ей путь. И тогда под продолжающийся ор старухи, под вскрики женщин и под

звонкие звуки свистков она решает бежать к большим дверям главного выхода из аэровокзала. Тут же изменяет направление и летит в сторону выхода, опять перепрыгивая через кучи багажа.

Не сделав и десятка шагов, Зоя вдруг поняла, что у неё не получится вырваться из здания...

«Всё, что ли? – мелькнула мысль в голове у девушки, когда она увидела у дверей вокзала трёх полицейских и с ними рядом двух кривоногих. – Неужели всё?».

Нет-нет, она в это не верила, тем более её с детства учили сражаться до конца. Сражаться до конца и принимать быстрые решения. Дева снова меняет направление своего движения. Дамские комнаты.

В стенах здания вокзала окна есть, они огромны, чтобы в зал проникал свет, но окна находятся высоко над полом, до них не дотянуться, а вот в дамских комнатах непременно должны быть окна, через которые она сможет выбраться на улицу.

И Зоя снова меняет направление, теперь она бежит к красивым дверям дамских уборных. И, чуть не сбив с ног одну почтенную даму, влетает в помещение. А там светло, чисто, пахнет духами, и не слышно криков и свистков, но деву это всё не интересует... Главное – окна.

Ура! Окна тут имеются.

Дамы, находящиеся у зеркал, с удивлением оборачиваются на влетевшую в помещение деву, а та, и не взглянув на них, пробегает мимо зеркал, кресел, мимо кабинок и подлетает к первому попавшемуся окну.

И вот только теперь у разгорячённой бегом и двумя короткими схватками девушки понастоящему похолодела спина. Похолодела от ужаса. Она стояла у окна и не верила своим глазам: окно было зарешечено. Дева делает шаг и смотрит на другое окно, но оно тоже за решёткой. Тогда она, не обращая внимания на взгляды дам, открывает окно, вскакивает на подоконник и пытается каблуком своего сапога ударить, сбить решётку...

– У тебя ничего не выйдет, – слышит она за спиной грубый голос с плохим немецким произношением.

Зоя сразу оборачивается. Одного взгляда, одного мгновения было ей достаточно, чтобы понять, кто перед ней. Рыхлые тела, торчащие из декольте, жирные плечи, руки, шея со складкой и легко узнаваемый подбородок, выглядывающий из-под вуали. Слишком тяжёлый для женщины. В общем, перед Зоей стояла сама Дженнет Рэндольф Черчилль, или попросту леди Рэндольф. Ментал третьего уровня и второе лицо Интеллидженс Сервис в Гамбурге. Сразу за ней, в своей дурацкой шляпе охотника на оленей и с постной физиономией, стоял Эбердин Тейлор, один из постоянных помощников леди Рэндольф, матёрый контрразведчик, отличный боксёр и, как поговаривают, заплечных дел мастер высокого уровня. Он ввалился в дамскую уборную, не обращая внимания на возмущённые крики присутствовавших там дам, и встал за спиной у леди Рэндольф. Кажется, его рот кривился в усмешечке, которая ничего хорошего Зое не сулила: ну-ну, давай-давай, сломай решётку. А уже за ним, закрывая своими широкими плечами весь выход, вошёл и человек-шифоньер.

– Дамы, – резко и безапелляционно произнесла на своём дурном немецком леди Рэндольф, – прошу вас покинуть помещение, мы здесь ловим эту воровку.

Зоя подумала, что дамы начнут возмущаться, но то ли леди Рэндольф применила свои ментальные способности, то ли с детства дисциплинированные немки не могли противиться приказному тону, в общем, дамы стали быстро покидать помещение уборной, даже те, что были в кабинках, и те поспешили уйти.

«Вот дуры!». Зоя и сама не знала, что она хотела от женщин, покорно покидавших помещение, может, надеялась, что те начнут возмущаться, и ей удастся улизнуть... Но... Этого не вышло, и дева поняла, что ей придётся драться. Она была возбуждена, может, поэтому не подготовилась к атаке как следует и, прекрасно понимая с кем имеет дело, она не замаскировала свои мысли – и, конечно же, леди Рэндольф опередила её. Девушка даже ещё не успела сунуть

правую руку в запах юбки, чтобы выхватить оттуда пистолет, а англичанка уже рывкнула по-бульдожьей:

– Оружие!

И сразу, как по волшебству, перед нею вырос тот самый человек-шифоньер, полностью заслонив собою противную бабу. Как он только так успел?! Зоя же, выхватив оружие, решила сначала вывести из стоя его. Пусть он огромен, пусть пуля мала, всё равно её кинетической силы хватит, чтобы пробить ему глаз и если не убить, то вызвать болевой шок. За это время девушка собиралась прикончить злобную бабу, а уж потом она достанет стилет, – Зоя сморщила носик и даже хищно оскалилась, – и тогда она ещё посмотрит, кто выйдет живым из дамской комнаты.

Девушка вскинула пистолет, во время движения взведя курки, и сразу выстрелила, ни мгновения не сомневаясь, что попадёт в большой, полуприкрытый глаз твари.

Пах! И сизоватый дымок поплыл по дамской уборной.

Выстрел, как почти все выстрелы девушки, должен был быть точен.

Но... Этот огромный человек успел в последнюю долю секунды просто опустить лицо, и небольшая пуля ударила в его массивную надбровную дугу, выбив не глаз, а всего-навсего каплю почти чёрной крови. Зоя знала, что в лоб этому монстру стрелять нужно только из хорошего револьвера или винтовки, иначе толку не будет. Эти твари на удивление прочны. В общем, выстрел оказался... плох. Она только зря потратила патрон, но это не обескуражило деву, и она, уже прицелившись, делает ещё один, последний выстрел, снова пытаясь выбить глаз монстру. И на этот раз дева достигла своей цели; огромный, как у коровы, глаз дёрнулся и закатился, тварь заорала, заревела от боли:

– Оо-оааа...!

И схватилась за уничтоженный орган. Всего на секунду он остановился, чтобы прийти в чувство, но этой секунды девушке было достаточно. Ножны её ручного оружия, что были выполнены в виде стека для верховой езды, ещё не успели упасть на пол, а она, уже крепко сжимая клинок в руке, бросилась к великану и мгновенно, чуть присев, прямым выпадом снизу пронзила диафрагму существа так, что клинок точно вошёл ему в сердце.

Она убила его одним движением. Почти бескровно. И сама была горда этим, вот только гордиться ей пришлось всего одну секунду, пока громадная туша твари не рухнула на пол. А когда рухнула, Зоя поняла, что осталась безоружна, так как она не смогла высвободить свой стилет, намертво застрявший в груди существа. Увидав всё это, Эбердин Тейлор побледнел и сразу выхватил из кармана панталон револьвер. Но англичанка, заметив его оружие, рывкнула на него:

– Уберите оружие, болван. Брать только живой.

Зое было не до них, она даже наклонилась и попыталась вытащить стилет, но оружие застряло в скрючившемся трупe накрепко, словно в застывшем бетоне, а перемазанная кровью рукоять была скользкой.

А тут с шумным ударом дверь в уборную распахнул и второй человек-шкаф. А за ним появился и ещё один кривоногий. Как только они ввалились в помещение, леди Рэндольф крикнула:

– Взять её, Чарли, взять живой!

Ах, как всё это было неприятно. Очень неприятно. Как хорошо начинался этот день, день первого её настоящего задания. И вот чем всё закончилось. Зое стало грустно. Так грустно, что захотелось плакать. Вот только плакать она не собиралась. Дева знала одно: попадать в лапы к англичанам нельзя. Нет ничего хуже их лап. Поэтому, видя, как большой человек в чёрном сюртуке и чёрных перчатках двинулся к ней, она легко вспорхнула на подоконник и сразу вытащила заколку из тугого узла. Роскошные, с серебряным отливом волосы девушки

рассыпались по её плечам, а поганая леди Рэндольф, ментально почувствовав, что девушка и не собирается сдаваться, завизжала:

– Быстрее, Чарли, хватай её!

И тот кинулся на Зою, но та, стоя на подоконнике, уверенно встретила его сапогом в мясистый нос и отшвырнула от окна, но недалеко, всего на шаг, а пока он отшатнулся, дева выдернула из своей заколки страшную иглу. Может, она и хотела продлить свои секунды, постоять тут, на подоконнике, пожалеть себя и повздыхать, вот только времени у неё на то не было.

Залитая кровью харя чёрного человека уже не была перекошена от боли, и он уже тянул свою огромную лапу в чёрной перчатке к ней. Зоя взглянула на леди Рэндольф и... безжалостно воткнула отравленную иглу себе в запястье.

Раз...

Человек-шкаф схватил её и стянул с подоконника.

Два...

Она почти не сопротивлялась, но не давала скрутить себя и вытащить иглу из своей руки.

Три...

Всё! Она быстро вытащила иглу и воткнула её воняющему потом бугаю в шею, до конца, до упора...

«Вот тебе, тварь!».

А потом её затошнило, сильно, – хорошо, что не вырвало, наверное, нечем было, а потом у неё всё поплыло перед глазами, и она поняла, что просто не может сделать вдоха, не может вздохнуть, словно огромная и сильная рука сжала ей живот, грудь... А после... Просто погас свет.

Глава 5

Подтянутый, строгий господин с моноклем, в котелке и с тростью шёл от двух мостов к узенькой улочке Альтер Вандрам. Этот совсем не старый ещё господин был ничем не примечателен: ни одеждой, ни телосложением. Ну разве что выправкой и видимой опрятностью и строгостью в костюме. Судя по всему, мужчина был учителем гимназии или, скорее, офицером, переодевшимся для прогулки в партикулярное платье. Монокль, усики и серьёзный вид как раз и натолкнули бы всякого, его увидавшего, на подобные мысли. Строгий господин размеренно шагал, при том держа левую руку на бедре, словно по привычке придерживал саблю. Казалось, что передвигался он беззаботно, тем не менее у каждого поворота, угла или, например, на выходе с моста мужчина останавливался и стряхивал какую-то нитку с рукава или пушинку с лацкана сюртука, или отряхивал штанину, или делал ещё что-либо подобное. Тем временем он исподлобья, но внимательно изучал улицу. На предмет слежки. Смотрел, не попадётся ли ему на глаза кто-то необычный для этой части города. И, убеждаясь, что никого подозрительного на улице нет, он продолжал свой путь всё с той же видимой беззаботностью.

Так он дошагал до дома номер четырнадцать, на одном из углов которого висела старая, полустёртая вывеска: «Пивное заведение Хольца. Пиво, сосиски, капуста, музыка». Строгий господин уверенно открыл дверь в заведение, как будто делал это не в первый раз, и вошёл внутрь.

Вывеска не обманывала: в полутёмном помещении, куда через грязные окна попадало совсем немного света, пахло пивом и кислой капустой, возможно и сосисками. Народу тут сейчас было немного – рабочий день в самом разгаре, а именно простые, рабочие люди из порта и с верфей и были основными посетителями этого заведения. Мужчина сразу же направился к автоматической пианоле и, бросив в прорезь монетку, запустил автомат. Аппарат поначалу зашуршал, а потом стал выдавать весёлую мелодию, такую незатейливую пародию на раннего Моцарта. Удовлетворившись мелодией, он огляделся.

Две трети столов в пивной были свободны, но строгий господин сел за стол, что находился в углу, у выхода из кухни, за которым уже сидел другой господин. Сел он туда без приглашения, даже не произнеся ни одного слова. Просто подошёл, отодвинул старый, тяжёлый стул и уселся. Не сняв ни котелка, ни перчаток, даже монокля из глаза не убрал. Только поставил трость между ног и руки положил на её рукоять.

Мужчина, сидевший за столом, был чуть лысоват, хотя на висках и на затылке его головы начавшие сесть волосы весело кучерявились, а ещё, словно в пику строгому и подтянутому господину, этот человек не был чрезмерно опрятен, зато был полноват, нехорошо выбрит и держал несвежий свой жилет вызывающе расстёгнутым, рубаху под ним вовсе не крахмаленной, а ботинки изрядно стоптанными. Трость же его, приставленная к облупленной стене пивной, была стара, тяжела, оббита и потёрта во многих местах. То был резидент ордена в Гамбурге брат Тимофей. А в миру Тимофей Сергеевич Елецкий.

Он отпил из большой кружки пива и спросил пришедшего очень тихо, почти шёпотом, хотя рядом с ним, за соседними столами, никого не было:

– Выпьешь чего-нибудь?

Строгий господин только покачал головой: нет. А потом выронил монокль из глаза, зажмурился, давая веку отдохнуть, крикнул почти удовлетворённо и спросил так же тихо, как и собеседник:

– От связной телеграммы, я предполагаю, так и не было?

– Нет, брат Аполлинарий, – отвечал неряшливый человек, – от неё вестей не было. Ни в условленное время, ни в контрольное. Думаю, что и курьер на запасной квартире не появился.

– Нет, Тимофей Сергеевич, не появился.

- Значит, провал, – безрадостно констатировал Тимофей Сергеевич.
- Значит, провал, – согласился Аполлинарий Антонович, кивнув головой. Он немного помолчал, потом достал платок, стал вытирать им монокль и продолжил: – Что будем делать? Тимофей Сергеевич поёрзал на стуле, как будто ему вдруг стало неудобно сидеть, и ответил:
- Сворачивать операцию не будем.
- Закончим акт вдвоём? – удивился Аполлинарий Антонович.
- Надобно покончить с этой вшой, – нравоучительно, скорее даже сурово, ответил Тимофей Сергеевич. – Раз взялись – надо покончить.
- Надо покончить... Да... Я понимаю твоё негодование, – говорил строгий господин с заметной долей сомнения. – Но как? Без денег? Без связных?
- Для начала уйдём на запасные адреса. Пару дней отлежимся.
- Это понятно, но дальше что?
- Дальше дадим знать о провале святым отцам и будем надеяться, что игумен благословит нам кого-нибудь в помощь.
- Пусть благословит ещё денег! – напомнил Аполлинарий Антонович. – У меня денег мало осталось. Всё уходит на механизм.
- Да... И денег, – согласился с ним Тимофей Сергеевич. – И денег. У меня ещё осталось немного, я тебе подкину полсотни талеров.
- Они мне будут кстати. Но всё это займёт время, – поморщился строгий. – Они отчालят и уйдут, пока мы будем менять явки и квартиры, пока будем собираться с силами. Мы потеряем время. Ты уже выяснил, что у них сломалось?
- Всё выяснил. У них развалился подшипник на правом гребном валу, они отправили телеграмму в Лондон, ждут запчасть, но пока она придёт, пока её поставят...
- Сколько у нас времени? – брату Аполлинарию не терпелось услышать цифры.
- Если за запчастью пошлют на фабрику в Манчестер – то месяц, если подшипник есть на складах адмиралтейства в Лондоне – две недели, – отвечал ему брат Тимофей.
- Мы ничего не успеем за две недели, – резюмировал Аполлинарий Антонович.
- Не успеем? – удивился Тимофей Сергеевич. – Но ты же говорил, что автомат у тебя уже готов.
- Автомат у меня уже готов – почти, но нужного баркаса у меня нет, и динамита у меня нет, не забывай, нам нужно пять тонн динамита, пять тонн – это минимум, и покупать его, по твоим же словам, здесь нельзя, нужно его сюда откуда-то привезти.
- А что с течением? Ты говорил, что займёшься течением?
- Я всё посмотрел, течение реки меняется в зависимости от приливов и отливов. У меня есть таблица. Ещё пару дней – и с этим всё закончу, – заверил товарища Аполлинарий Антонович. – Нам нужен баркас, нам нужен динамит... Нам нужны деньги, Тимофей.
- Не очень опрятный господин снова отпил пива и лишь после этого произнёс, как-то отстранённо или задумчиво:
- Нужны деньги, нужны деньги...
- Да, нам нужны деньги.
- Ну, значит, экспроприация, – сказал брат Тимофей тоном, не допускавшим каких-либо других вариантов.
- Я так и знал, – с заметным недовольством поморщился брат Аполлинарий.
- Что? – спросил его неопрятный.
- Не хотел я отвлекаться от основной задачи. Хочу довести автомат до совершенства. А тут придётся заняться этой экспроприацией.
- Понимаю тебя, но экс в одиночку – большой риск.

– Нужен экипаж, лошади, – Аполлинарий Антонович уже смирился с тем, что ему придётся пойти с товарищем на ограбление.

– Ну, на всё это я денег наскребу, – заверил неопрятный.

– Значит, пойдём на экс вдвоём?

– Нет, конечно, в Берлине без дела отирается твой собутыльник, вызывай-ка его сюда, нечего ему там прохлаждаться. Пусть поработает.

Собутыльник. Первый раз за всю встречу у серьёзного господина хоть на мгновение посветлело лицо. Весть о том, что скоро он увидится с другом, хоть немного, но отодвинула печаль. Товарищи переглянулись. Тимофей Сергеевич немного даже усмехнулся, видя, как приободрился его собеседник, хоть поводов для веселья сейчас и не было.

Говорить о потере товарищей они ещё не начинали, но настроение было как раз такое, чтобы начать. Просто сейчас два этих сильных и смелых человека говорили о том, о чём говорить нужно в первую очередь, то есть о деле. А о пропавшей девушке и курьере... Это всё, не сговариваясь, они оставляли на потом. И упоминание о собутыльнике и о том, что его нужно пригласить для операции по экспроприации, немного улучшило настроение Аполлинария Антоновича:

– Значит, приглашаем казачка?

– Да, подготовь ему явку и легенду, дам на него немного денег, – произнёс Тимофей Сергеевич. – Я же сейчас составлю телеграмму в Серпухов, святым отцам. И потом займусь лошадью и экипажем.

– А где будем экспроприировать? Есть что-нибудь на примете?

– Нет... Ничего такого нет. Я не предполагал, что нам потребуются средства. И экс проведём уж точно не в Гамбурге.

С тем, что экспроприацию нельзя проводить здесь, как и с тем, что в городе нельзя покупать динамит, брат Аполлинарий был полностью согласен. Вероятность того, что твари обратят на подобные операции внимание, была очень велика.

– Я на пару дней исчезну, – говорил брат Тимофей, – куплю лошадь, объеду окрестности, посмотрю, где можно взять денег без лишних хлопот, а ты встреть казачка, устрой его, и ждите меня. Пока меня не будет, закончи работы с автоматом. Подумай, посмотри, где можно купить или украсть пять тонн динамита безопасно.

Брат Аполлинарий кивнул: хорошо. Кажется, пришло время поговорить о том, о чём говорить обоим особо и не хотелось. Юная барышня, совсем ещё девочка, не вернулась с первого своего задания. Курьер тоже пропал. Что с ними, братья-монахи не знали. И после молчаливого обоюдного согласия, что пора уже начать, Аполлинарий Антонович заговорил:

– Думаю, что ребят либо взяли, либо они мертвы.

Тут не нужно было ни его согласия, ни пояснений, это была всего-навсего преамбула, и поэтому брат Тимофей ничего не сказал. Просто продолжал слушать.

– О прибытии курьера в Гамбург знали святые отцы, – продолжал брат Аполлинарий. – Исключаем возможность утечки?

– Исключаем, – подтвердил брат Тимофей.

– Ты и я...

– Исключаем, – сразу закончил эту мысль неопрятный господин.

– Связная.

Тимофей Сергеевич сделал рукой знак, изображавший качающийся на волнах кораблик, и при этом поморщился:

– Молодая, могла допустить ошибку.

– Вот и я тебе об этом всегда говорил, – чуть оживился брат Аполлинарий. – Нечего ей тут было делать.

Но брат Тимофей жестом прервал его:

– То не наша с тобой компетенция и не наше решение. Святые отцы решили её сюда направить, так тому и быть. Хочешь высказаться против? Езжай в Серпухов, скажи это игумену лично, – и закончил тоном безоговорочным: – Мы больше о том не говорим.

Строгий мужчина лишь вздохнул в ответ. И через мгновение продолжил:

– Курьер. Тоже молод, тоже мог ошибиться.

Тут брат Тимофей согласился и кивнул: да, мог. А брат Аполлинарий просто продолжил и произнёс всего одно слово:

– Банкир.

Тут Тимофей Сергеевич взглянул на него с интересом: ну-ну, это интересно, давай, развивай мысль.

– Курьер обычно даже не знает, кто его будет встречать. Стандартная практика на случай, если его возьмут, посыльный не должен никого сдать даже под пытками. То, что курьер был знаком с нашей связной, как она сама нам сказала, – случайность. Телеграмму о прибытии курьера давал нашей связной банкир. Банкир! Банкир знал, когда курьер прибудет и на чём.

– Так. И...? – это было смелое заявление. Банкиры, что работали с братством, были из тех людей, кого святые отцы наделяют большим доверием.

– Банкир давал телеграмму о прибытии курьера. Понимаешь? Он писал, когда и где его встречать.

– Но банкир не мог знать, кому адресована телеграмма, – возразил брат Тимофей. – Он просто написал на известный ему адрес короткую информацию – когда прибудет курьер с деньгами. Кто получит телеграмму, банкиру неизвестно.

– А ему и не надобно этого знать, – почти победно произнёс брат Аполлинарий, подняв вверх палец. – Просто, дав телеграмму, он скажет кому-то, ну, например, агенту ИС, куда, и это главное – куда! – пошла телеграмма. И всё. Получателя там будут сторожить круглосуточно и вычислят при получении. Дело простое, – тут уже Тимофею Сергеевичу крыть было нечем, он молчал, а брат Аполлинарий продолжал.: – Вот смотри... Курьер известен, хотя он и не нужен, а нужен получатель телеграммы, его и берут под наблюдение. Взяли и ведите, работайте с ним и вскрывайте всю сеть. Долго? Да. Это дело времени. А если не брать сразу курьера и встречающего его связного, а посторожить их, посмотреть за ними, они спокойненько и гарантированно приведут вас и к резиденту. Вот и всё, дело в шляпе – вся сеть ликвидирована. А если и нет, то всё равно после провала связной и курьера резидент сам снимается с места. Чего вы и желали. Вуаля!

В этой мысли, конечно, было рациональное зерно, но брат Тимофей всё равно сомневался, что банкир мог их сдать тварям. «Очень и очень сие сомнительно, – брат Тимофей сомневался не напрасно, вероятность, что какой-то из банкиров ордена мог перевертнуться, была весьма невелика, ведь банкиров подбирали тщательно, люди это были проверенные и надёжные. Им доверяли деньги, связи и, главное, жизни братьев. Они распоряжались значительными суммами Ордена, ведь часть денег с экспроприаций всегда передавалась банкирам, и у них уже должно было накопиться немало орденских средств, ведь банкиры вели бизнес и увеличивали вложения, покупали для Ордена собственность, обеспечивали братию всем необходимым, если требовалось. – Нет-нет, быть такого не может, это люди преданные, и если не самой идее Ордена, то уж точно финансам организации, на которых и строилось их собственное благосостояние».

– Может, закажешь чего поесть? – предложил брат Тимофей своему товарищу. Он видел, что Аполлинарий Антонович ведёт себя не совсем так, как обычно.

– Ах, брось..., – брат Аполлинарий огляделся. – Здесь и кухня, наверное, дурна, вон какое амбре тут висит, – он поморщился. Но Тимофей Сергеевич прекрасно знал своего товарища, не первый год работали вместе. Не запахи отбивали аппетит Аполлинарию, бывали они в местах и много более вонючих. И едали с ним всякое... Просто брат был расстроен. Расстроен

провалом и возможной гибелью юной послушницы и юного послушника ордена. Он просто не говорил об этом, поэтому и отказывался есть. И тогда брат Тимофей попытался отвлечь его хоть немного.

– Интересно, а откуда же прибывал курьер?

– Ну, пути-то два, – сразу отозвался брат Аполлинарий. – Обычно Варшава-Прага-Берлин. Или Варшава-Данциг-Берлин. Из Берлина уже к нам.

– Ну, значит, курьер получил деньги либо от Крамма в Праге, либо от Зборжевского в Данциге. Это я выясню у святых отцов. А ты, друг мой, как только сменишь адрес, так сразу выясни, что произошло со связной и с курьером.

– Выясню, – обещал Аполлинарий Антонович. – Перво-наперво узнаю, взяли их живыми или...

– Да, это главное, это главное, – согласился Тимофей Сергеевич; как ни цинично подобные слова звучали, но для них обоих было бы лучше, чтобы и связная, и курьер погибли. Иначе их пребывание в Гамбурге становилось крайне опасным. Крайне. В деле пыток Интеллидженс Сервис равных не было, и никто не выдержал бы, попади он англичанам в лапы. Начал бы говорить рано или поздно. Так что лучшим вариантом для любого члена Ордена была смерть, а не плен.

– Сегодня среда? Да, среда..., – брат Тимофей прикидывает, – значит, на связь выйду в пятницу, жди телеграммы на Главном городском телеграфе до востребования на имя Иоганна Вайса, контрольное время суббота, телеграф номер девятнадцать; если в субботу от меня вестей не будет, сворачивайся и уходи.

– Благослови, святой отец, – Аполлинарий Антонович протянул руку для рукопожатия, он, кажется, был чуть возбуждён и растроган, и вид имел не такой строгий, как раньше.

– Благословляю, брат. Храни тебя Бог, – Тимофей Сергеевич пожал руку; конечно, хотел и обнять товарища, но в данный момент это было неуместно. – Буду за тебя молиться. Кстати, будешь вызывать сюда казачка своего, вели ему сбрить бородищу, в Гамбурге бород нынче не носят.

– Накажу ему, – обещал брат Аполлинарий, в миру Аполлинарий Антонович Квашнин, инок Святого Опричного Ордена, а после встал и, легко подхватив трость, со свойственной ему военной выправкой пошёл к выходу.

А брат Тимофей, в миру Тимофей Сергеевич Серпухов, инок-чернец того же ордена, незаметно перекрестил спину брата и остался за столом ещё на пять минут из соображений конспирации, а заодно и допить пиво.

Глава 6

Квашнин вышел на улицу и остановился, всего на секунду, чтобы решить: что ему предстоит предпринять первым делом. Дать телеграмму, чтобы вызвать сюда из Берлина Емельяна Николаевича Тютин, – времени много не нужно. Это можно сделать в любой момент, хоть ночью, слава Богу телеграфов в Гамбурге во множестве, и некоторые из них работают круглые сутки. Главное было выяснить, что случилось с Зоей и курьером. Вот это была задача первоочередная. Но... Полицейский чиновник, коего он сумел к себе расположить за определённые суммы и который безусловно знал обо всём, что происходит в городе, находился сейчас на службе. Заявиться к нему в полицейское управление сейчас было бы опрометчиво, необходимо дожидаться, пока закончится рабочий день. А вот поболтать с одним прытким, пройдошистым журналистом, который был так же, как и полицейский, в курсе городской жизни, возможность была. Тем более, что это было ещё и дешевле. Но тот появлялся в своей любимой пивной, как правило, после пяти часов. Приходил туда выпить свою кружку пива и съесть жареной колбасы. Найти же его до этого времени и вовсе не представлялось возможным, ибо один Господь ведал, где может находиться этот пронырливый борзописец в данный момент. И посему Квашнин пошёл вдоль улицы до ближайшего рукава Эльбы, коих меж островами было множество, и зашёл на первую попавшуюся лодочную станцию. Не мелочась заказал себе за двенадцать шиллингов новенькую и комфортабельную паровую лодку для прогулок, называемую в этих местах, на английский манер, скутером.

Молодой человек в настоящей капитанской фуражке предложил ему располагаться, указывая удобные места под навесом:

– Прошу вас, господин, садиться, меня зовут капитан Фюнтер, котлы уже под парами, сейчас только подниму давление и пойдём. Это займёт пять минут, не больше.

Квашнин уселся поудобнее, а капитан схватил лопату, ушёл на бак и стал накидывать в топку угля. И не обманул, уже через пять минут – Аполлинарий Антонович проверил по часам – их быстрая лодчонка, нещадно чадя чёрным дымом, отвалила от причала, дала гудок и с характерным механическим стуком пошла меж застроенных домами по самые берега островов к главному устью полноводной и быстрой реки.

– Что изволите посмотреть, господин? – не выпуская руля из рук, интересовался молодой капитан. – Или желаете просто прокатиться по реке под мостами? Можем еще подняться к озеру.

– Ну, давайте прокатимся до..., – Аполлинарий Антонович сделал паузу, изображая размышления, – ну, до Фалькенштайна.

– До Фалькенштайна? – уточнил капитан.

– Да. Там, как мне кажется, сейчас много публики собралось на пикниках. Может, и оркестры какие играют.

– Публики там, конечно, хватит, вон какие погоды стоят прекрасные, – согласился Фюнтер, – но оркестры будут там, скорее всего, ближе к вечеру.

– Вот как? Ну, тогда просто полюбуемся на реку и на публику, – не стал расстраиваться брат Аполлинарий.

И они, выйдя из протоки и взяв лево руля, пошли вниз по течению полноводной Эльбы. Аполлинарий Антонович достал из внутреннего кармана сюртука кожаный портсигар, а уже из него вытащил и сигару. С удовольствием закурил и, положив ногу на ногу, стал с интересом рассматривать всё, мимо чего проплывал скутер. Пирсы, доки для барж, снова пирсы, склады, снова доки, но уже побольше, где ремонтируются небольшие сухогрузы. Город Гамбург, хоть и находился не рядом с морем, тем не менее был крупнейшим в Европе портом, местом, где строятся и ремонтируются сотни и сотни кораблей одновременно. Тысячи поставщиков откры-

вали здесь свои конторы: паровые машины, корабельная и конструкционная сталь, электрические узлы и агрегаты, уголь и продовольствие, – всё это в невообразимых количествах потреблялось этим большим городом и его предприятиями. И каждый островок напротив города, каждый клочок земли, который омывала своими водами Эльба, был застроен либо сооружениями портовыми, либо ремонтными. И склады, склады, склады повсюду. Иной раз прямо между жилых домов располагалось приземистое здание какого-нибудь склада, например, электрических моторов или ещё чего-нибудь.

Но это всё Квашнин уже видел не раз, мало того, имея доступ к некоторым городским документам, он знал, чем живёт город и как он зарабатывает себе на жизнь. Знал и удивлялся тому, как богат портовый и индустриальный Гамбург.

Здесь и сейчас он плыл не для того, чтобы любоваться доками и пакгаузами, что тянулись вдоль берега, и даже не праздной публикой, что выезжала из города на берег реки чуть ниже по течению. Нет, интересовало его нечто иное. Через примерно десять-пятнадцать минут хода, когда на правом берегу многоэтажные дома перешли в одноэтажную застройку, он повернул голову налево и, указывая в ту сторону рукой, спросил громко, чтобы капитан его услышал даже из-за шума двигателя:

– А это что там?

Издалека могло показаться, что это какое-то мрачное промышленное здание на берегу реки. Но нет, это было не здание. Там, у специальных доков на Финкенвердер, пришвартовалась к причалу темно-серая, почти чёрная громада корабля. Полностью металлический корпус, такой массивный, что три мачты и бушприт, хлипкие и тонкие, смотрелись на этом стальном монстре древними атавизмами. Большая надстройка в центре палубы, две толстых трубы и, главное, две орудийные башни, на корме и носу, где под крепкой британской бронёй было спрятано по паре орудий циклопических калибров.

– О, вы ещё не видели его? – Капитан тут же снизил обороты и, соответственно, шум двигателя, и лодка, замедлив ход, просто поплыла вниз по течению, а он сам тут же подошёл к Аполлинарию Антоновичу и начал рассказывать, проявляя большой энтузиазм: – Это британский корабль, раньше такие суда называли линкорами.

– Вот как? – Квашнин привстал и развернулся к левому борту. – А как же их называют теперь?

– Дредноут, – сообщил ему господин Фюнтер. – Что в переводе с английского значит «непотопляемый»!

– И что, вы и вправду думаете, что его нельзя потопить? – подначивал его Квашнин.

– Абсолютно невозможно! – ещё больше оживился молодой человек. – Шесть тысяч тонн лучшей в мире английской стали, он весь сплошной броневой пояс, в довершение к этому самые современные паровые котлы, дающие немыслимое давление и огромное усилие на гребные валы, плюс самые точные в мире десятидюймовые орудия не подпустят врага к себе даже и на пять миль. Всё это делает его просто неуязвимым!

– Цеппелины, электрические автоматы, дредноуты, – задумчиво говорил Аполлинарий Антонович, глядя на громаду корабля, – воистину, что ещё смогут придумать потомки, чтобы обогнать нас в новшествах. Мои родители и представить не могли в своей юности, что письма можно передавать не с почтой или с конным курьером, а через провода, а сейчас станции телеграфа находятся на каждом углу. И письма те доходят за мгновения, а не плетутся неделями по пыльным дорогам.

– Да, мы живём в удивительное время, – согласился с ним молодой капитан. И тут же предложил: – Хотите зрительную трубу, у меня есть, через неё дредноут прекрасно видно.

– Я был бы вам признателен, – отвечал ему Квашнин.

Он взял у молодого человека трубу и стал рассматривать чёрную громаду. На самом деле он смотрел на корабль, наверное, уже в двадцатый раз, но не переставал удивляться его мощи.

Сразу после окончания войны в Крыму англичане набрались наглости досматривать корабли, следующие в Санкт-Петербург и идущие туда не под российским флагом или не под флагом ещё какой-либо суверенной державы. И вот сии суда под несuverенными флагами, флагами слабых стран эти извечные пираты, будь они прокляты, брались досматривать и на своё усмотрение конфисковывать груз. И на все призывы двора Его Императорского Величества это прекратить англичане отписывались в хамской манере. Эти мерзавцы никогда и ничего не понимали, кроме силы; только силой можно было вернуть в них здравомыслие. И тогда императорский флот стал выходить из Петербурга в рейды, встречать иностранные суда и провожать их в столичный порт, и английские бандиты в присутствии русских кораблей уже не осмеливались останавливать купцов. Но год назад всё изменилось. Изменилось, как только со стапелей в Плимуте был спущен флагман королевского флота, броненосный линкор «Альбион». А тотчас после ходовых испытаний и стрельб, уже прошлой осенью, этот тёмно-серый монстр со своими огромными калибрами появился на Балтике, что сразу изменило баланс сил в этом северном море. Англичане снова стали останавливать купцов, следующих в Петербург, и по своему усмотрению арестовывать грузы. Теперь они не стеснялись это делать даже в присутствии кораблей флота Его Императорского Величества, если этот чёрный корабль разворачивал жерла своих ужасных орудий в сторону русских. Так продолжалось до тех пор, пока месяц назад в ходовой части суперкорабля не вышла из строя одна деталь. Но в мире было всего три верфи, которые могли принять британского гиганта – его родная верфь в Плимуте, новейшая и передовая верфь Мэр Айлэнд в Калифорнии, и верфь Финкенвердер в Гамбурге. Так как Плимут был уже занят, а Мэр Айлэнд у чёрта на куличках, лорд-адмирал принял решение ремонтировать линкор в Гамбурге. Вот поэтому Аполлинарий Антонович Квашнин имел возможность в этот майский день разглядывать сие чудо техники в подзорную трубу с прогулочного катерка здесь, на Эльбе. И оглядывал внимательно. А потом, оторвавшись от оптики, взглянул на капитана Фюнтера и спросил:

– А нельзя ли подойти чуть-чуть поближе?

– О, – тот, кажется, даже немного испугался. – Нет-нет, это запрещено. Три дня назад я возвращался в темноте и, чтобы не идти по самой быстрой воде, взял чуть левее, так на меня от верфей и с самого корабля стали наводить прожектора и сделали несколько выстрелов из пулемётов.

– О, они стреляли по вам из пулемётов? – удивился Квашнин, хотя на самом деле вовсе и не был удивлён.

– Они стреляли скорее не по мне, а рядом, по курсу, по воде, как бы предупреждая: не смей двигаться дальше!

– Они открыли по вашему скутеру огонь? Это возмутительно! – вдруг произнёс Аполлинарий Антонович. – «Гамбургер цайтунг» писала, что они сюда приплыли на ремонт по просьбе британского правительства, а ведут себя так, как будто они нас завоевали.

– Ну, их можно понять, – вдруг стал заступаться за англичан молодой капитан. – Они очень боятся, что их неуязвимый в открытом море дредноут здесь может быть взорван злоумышленниками.

– Тем не менее, тем не менее..., – назидательно произнёс Аполлинарий Антонович и снова поднёс подзорную трубу к глазу.

Он знал, что англичане открывают предупредительный огонь с пирсов и самого линкора, но ему хотелось знать, на какую дистанцию они подпустят к себе лодку, прежде чем начнут стрелять. Это дало бы ему представление о том, с какой дистанции будет открыт огонь уже на поражение. Квашнин отрывает взгляд от корабля и снова поворачивается к Фюнтеру:

– Дорогой капитан, а может быть, мы попробуем подойти поближе?

– О! Нет! – тот был явно удивлён. – Вы очень храбрый человек, но поверьте мне, что это..., – наверное, он хотел сказать «страшно», но постеснялся и сказал: – не совсем безопасно. Нам к кораблю лучше не подходить.

И тогда брат Аполлинарий вытащил из кармана панталон кожаный кошелёк, достал из него монеты:

– Может, пять прекрасных гамбургских талеров по тридцать два шиллинга каждый изменят ваше решение? Пять минут – и деньги ваши. Это будет лёгкий заработок.

Капитан заглянул в ладонь Квашнина, словно хотел убедиться, правда ли этот господин предлагает сумму, за которую ему придётся работать неделю, и, увидав монеты, лишь спросил:

– Вы предлагаете пять талеров?

Аполлинарий Антонович только покивал согласно: ага, предлагаю.

Глава 7

Молодой капитан снова взялся за лопату и закинул несколько совков угля в топку; кажется, он относился к этому небольшому эксперименту весьма серьёзно. Квашнин, отрываясь от подозрной трубы, с ухмылкой на него поглядывал: ты глянь, какой молодец! И после ещё одной пары минут дрейфа по течению капитан Фюнтер сказал:

– Давление поднял, можем попробовать подойти к ним поближе.

– Ну так давайте пробовать, – сразу отозвался Аполлинарий Антонович.

И капитан, дёрнув за пару блестящих рычагов, дал пар, оживил двигатель судёнышка, тот застрекотал весьма бодро, и дрейфующая лодка с места пошла так бойко, что стоявший у кресла Квашнин поспешил сесть в него.

Капитан резко взял влево, лёг на обратный курс и пошёл против течения, пошёл быстро к большому мысу Финкенвердер, где к докам был пришвартован английский линкор.

Квашнин же сидел в кресле и смотрел на корабль в подозрную трубу. Для человека, в сторону которого вот-вот откроют пулемётный огонь, он был на удивление спокоен. Но всё это удивительное плавание продлилось весьма недолго; две минуты лодочка шла против течения, пока брат Аполлинарий не увидел в подозрную трубу белую пульсирующую точку на пирсе возле линкора. Он сразу понял: а вот и пулемёт.

– Пули! Пули! – почти сразу закричал от штурвала господин Фюнтер.

Квашнин тут же оторвался от оптического прибора и увидел в тёмно-серой воде справа от лодки, метрах в тридцати, цепь фонтанчиков, каждый в метр-полтора высотой. И только тут до них от берега долетел чёткий тархтящий звук.

Та-та-та-та...

Да, несомненно, огонь вели из знаменитого произведения Ричарда Гатлинга. Капитан не ошибался. Впрочем, Квашнин и сам знал о пулемётах, стоящих вокруг линкора, правда не подозревал, что англичане так легко применяют их против обычной прогулочной лодки. Хотя... это же англичане. Аполлинарий Антонович не сомневался, что у английских пулемётчиков есть приказ вести огонь на поражение по любой цели, если та приблизится к кораблю. Но для себя он кое-что всё-таки выяснил:

«Четыреста метров плюс-минус двадцать». Это была та дистанция, с которой пулемётчики начинали стрелять.

«Это плохо. Очень плохо». Получалось, что подход к линкору днём был невозможен. Баркас со взрывчаткой будет просто расстрелян, с какой бы большой скоростью он ни двигался. Но с другой стороны, он и планировал работу автомата в темноте.

«Атака должна проходить ночью. Только ночью!».

Ещё одна цепь фонтанов, на сей раз ближе к лодке, вырвалась из тёмной воды.

– Я отворачиваю! – немного нервно закричал капитан от штурвала.

– Да-да, – сразу согласился Квашнин. – Конечно, конечно.

А сам думал о том, что ему придётся посидеть пару ночей на берегу реки. Ему нужна была схема работы прожекторов. Нужно было выяснить углы и площадь освещения.

Кажется, капитан вздохнул с облегчением, сразу лёг на обратный курс и повёл лодку на центр реки.

– Господин, теперь куда? – спрашивал он, не оставляя штурвала.

– Ну, как я и просил, едем к Фалькенштайну.

– Как пожелаете.

К удивлению и радости капитана, у Фалькенштайна, прекрасного места, где жители Гамбурга устраивают пикники и конные прогулки, пассажир пожелал покинуть лодку. Молодой

господин Фюнтер был рад, так как, во-первых, его не пришлось везти обратно, а во-вторых, он полностью расплатился.

Пассажир сошёл с лодки на лодочной станции и сразу смешался с толпой гуляющих людей.

Квашнину здесь всегда нравилось. Прекрасные, живописные места, где почти нет складов и технических зданий. Лес, дорога вдоль реки, лужайки для пикников. И всё это у пологих берегов прекрасной и быстроводной Эльбы. Он поднялся с лодочной станции к дороге и пошёл неспешно, поглядывая в сторону почти неразличимого с этого берега британского корабля. Шёл, поигрывал тростью, думал, прикидывал, делал предварительные, грубые подсчёты.

А по дорогам туда и сюда сновали экипажи, как заурядные конные, так и новомодные электрические, управляемые антропоморфными автоматами с удивительными фарфоровыми лицами. Такие экипажи были верным признаком того, что обладатель сего технического чуда – не только человек состоятельный, но и рьяный сторонник прогресса. Автоматы механическими голосами оповещали всех, кого видели у дороги: «Отойдите в сторону, прошу вас быть осторожными. Дорога – место повышенной опасности».

Брат Аполлинаруй, за последний месяц поднаторевший в современных механизмах, уже различал не только компанию-изготовителя самобеглых колясок, управляемых автоматами, но и серию с классом. Он, как опытный инженер-механик, не пропускал ни одной выставки автоматов, ни одного их нового вида не оставлял без внимания.

А кроме экипажей, по живописной дороге двигались дамы и господа верхом и попадались энтузиасты разнообразных велоконструкций. Эти господа, проносясь по дороге и отчаянно сигналив в звонки зазевавшимся пешеходам, потные, серьёзные и собранные, как спортсмены, вызывали у публики глубочайший интерес своими агрегатами.

Но сейчас Аполлинария Антоновича в его мрачном настроении всё это не интересовало, а было ему интересно... кроме линкора, взрывчатки и механизмов... ну, разве что павильоны с винами, пивом и закусками, так как не по-майски жаркий день давно вызывал у него жажду. Да и проголодался он уже.

У него ещё было немного времени. Аполлинарий Антонович зашёл в светлый павильон на небольшом пригорке возле самого леса и заказал себе пиво и лабскаус. Он давно хотел попробовать это блюдо, которое преподносилось в харчевнях как истинно гамбургское. Раньше его отталкивал внешний вид. Но теперь брат Аполлинарий решил всё-таки попробовать.

Сам себе Квашнин не отдавал отчёта, но сделал он это скорее, чтобы отвлечься от скорбной мысли, которая не давала ему покоя с утра. Она разъедала его не хуже царской водки. Опытный и весьма закалённый жизнью человек всё никак не мог смириться с потерей связной. Этой замечательной и чистой девушки, за которую он переживал с того самого дня, как она появилась в Гамбурге. Изящная, прекрасно образованная, по-настоящему красивая, умная и старательная дева сразу вызвала у членов группы... нет, вовсе не восхищение, а скорее оторопь. Квашнин, Елецкий и работавший тогда с ними Бельский переглядывались, молча слушая доклад юной, только что прибывшей послушницы. И во взглядах этих закалённых бойцов невидимого фронта читалась лишь одна мысль: зачем святые отцы прислали им в помощь – для очень важной и посему очень опасной операции – этого ангела?

«Рехнулись они там, что ли?».

И когда дева ушла после знакомства, больше других возмущался тем, что руководство посылает таких молодых на подобные задания, именно он, Квашнин Аполлинарий Антонович. Оба его товарища молчали: а что тут поделаешь?

Квашнин же как в воду глядел. Девочка, юная и красивая, могла ошибиться, могла допустить ошибку и в случае невезения попасть в лапы ИС. А те ошибок не прощают. Вот... так и вышло.

«Зое повезло, если она сразу... умерла».

Расторопный официант в белом переднике, ловко лавируя между столиков, принёс ему литровую кружку светлого, тарелку с едой, хлеб на блюде. Пиво было отличным, хлеб тоже, а вот еда... Селёдку, жареное яйцо и сладкий маринованный огурчик он, конечно, съел, а вот само блюдо только попробовал: неприятное месиво для самых невзыскательных желудков.

«Лабскаус... Дрянь какая. Для моряков и докеров», – решил Аполлинарий Антонович. Но он кривил душой, едал он всякое, и похуже, чем это; в принципе, неплохое мясо, просто из-за девы прекрасной, что не вернулась нынче с задания, аппетит у него так и не нагулялся как следует. Не отпускало его горькое, почти удушающее чувство большой потери с той самой минуты, как связная и курьер не появились даже после истечения контрольного времени. Это чувство потери не покидало его ни на минуту, ни когда он говорил с Елецким, ни когда в уме прикидывал отладку алгоритмов для автомата. В общем, чувствовал Аполлинарий Антонович себя плохо, и блюдо ему не понравилось.

А вот пиво Квашнин допил. После чего сразу закурил сигару.

Пройдя по живописной и людной тропе через лес, он вышел на Кёстреберг-штрассе и уже на этой улице быстро поймал извозчика, на котором добрался до «Гренингена», старой пивной, в которой главную роль играют не столы и стены, а пиво и колбаса. Пиво здесь было едва ли не лучшее в городе, как и колбаса, а вот антураж этой пивной явно не привлёк бы людей, ищущих блеск и изысканность. Тут, среди почерневших от времени столов и кирпичных, без штукатурки, стен, выбирая столы у давно немых окон, как правило, заседал после пяти часов пополудни с блокнотом и карандашом Зигмунд Краус, которого в журналистских кругах города знали под прозвищем Быстрый Зигги. Сейчас за столом с Зигги сидела дама неопределённого возраста из тех, что вечно сидят в пивных. Она лениво поглядывала то на немногочисленную в этот час публику, то на журналиста, который писал что-то у себя в блокноте, не обращая на даму особого внимания. Аполлинарий Антонович подошёл к их столу, на ходу доставая монетку; достав, положил денежку перед дамой и сказал:

– Купите себе что-нибудь, дорогуша.

Дама тут же схватила монету, а журналист поднял на Квашнина глаза и небрежно протянул ему руку для рукопожатия:

– А, Вайс, это ты?

Аполлинарий Антонович пожал руку и, не дожидаясь приглашения, сел за стол напротив Крауса. Дама же встала и, зажав денежку в кулаке, переместилась за другой столик.

– Привет, Зигги.

– Конечно, у тебя ко мне дело, – журналист снова стал что-то писать.

– Да, хочу знать, что происходит в городе.

– О, в городе много всего происходит, что тебя интересует?

– Не знаю, – Квашнин сделал вид, что задумался, а сам положил на стол гамбургский талер, – Ну, что-нибудь не совсем обычное.

– Банда божьих цыган этой ночью в Зюльдорфе подожгла сарай и, пока его тушили, увела из конюшни господина Цвингли породистого скакуна.

– Нет, неинтересно, – сразу произнёс Аполлинарий Антонович. Он мог бы для ускорения процесса задать собеседнику пару наводящих или уточняющих вопросов, но не хотел этого делать. Зигги был вовсе не глуп, не нужно ему давать поводов для размышления. «Пусть сам всё предложит».

– Проститутка на Кённиг-штрассе вязальной спицей проткнула клиенту живот, когда тот попытался вытащить у неё свои деньги из ридикюля. Якобы за плохое обслуживание.

Квашнин даже поморщился: ну что это?

– Ограбление складов? Пьяная поножовщина в порту? Обворованная гримёрка у звезды варьете..., – продолжил журналист и тут же сам отказался: – Я понял, понял...

Он сделал паузу, внимательно посмотрев на Квашнина, и спросил:

– Кстати, Вайс, ты всегда всё спрашиваешь, спрашиваешь, даже платишь за это, а теперь мне хотелось спросить тебя, а где ты работаешь? Просто ради любопытства.

«Просто ради любопытства».

Аполлинарий Антонович не любил этого всего. «Ну вот к чему все эти лишние вопросы?». Но раз уж спросили... для этого у него всегда была готова добротная легенда:

– Я представляю интересы одной крупной страховой компании. Грузы, корабли, риски – это всё мой хлеб.

– И компания та, скорее всего, британская? – продолжал интересоваться журналист.

– Речь сейчас идёт не обо мне, и не о моём работодателе, – ответил Квашнин и многозначительно постучал ногтем указательного пальца по монете, лежащей на столе.

И тогда Быстрый Зигги взглянул на монету и сказал:

– Кажется, я знаю, что тебя заинтересует. Это происшествие на аэровокзале.

Брат Аполлинарий указал на журналиста пальцем: в точку.

– Утром там ловили воровку.

Это было как раз то, что нужно, но Квашнин показательно скривился:

– Краус! Ты хочешь мне рассказать про вокзальную воровку?

– Нет, там не всё так просто, – оживился журналист.

– И что же там такого интересного?

– Её убили, – чуть понизив голос, отвечал Быстрый Зигги, – мне телеграфировал один из моих парней, – так журналист называл полицейских, которые были у него на содержании, – когда я приехал, её труп уже выносили из здания аэростанции. Она, кажется, была молода.

– Ты, что, видел её? – сразу спросил брат Аполлинарий. Ему стоило усилий, чтобы держать себя в руках.

– Руку, из носилок было видно её руку, на ней была хорошая одежда, а рука была... Ну, не старой женщины – точно.

– Как её убили?

– Об этом мой человек ничего не знает, он с товарищем брали какого-то чеха, с которым та женщина общалась.

– Чеха?

– Да, мой парень говорит, это был здоровый такой мужик из Богемии или Праги. Ну, судя по выговору.

– Его отвезли в участок?

– В том-то и дело, что нет. Это меня и удивило, я хотел перекинуться с задержанным парой слов, но мне сказали, что его уже отпустили, – «Отпустили... Конечно. Его забрали англичане». От этой мысли Квашнину стало ещё хуже на душе. Мало того, что они потеряли прекрасную и умную девушку, так и ещё одного товарища. Не сдержавшись, он даже тяжело вздохнул, а чтобы журналист не заметил его состояния, ногтем толкнул ему через стол монету: держи.

Тот неловко остановил талер и продолжил неожиданно:

– Там ещё были трупы.

«Конечно, Зоя была отлично подготовленная девушка. Должны были быть трупы, должны!», – с некоторым удовлетворением подумал Аполлинарий Антонович. Он достал из кошелька ещё одну монету и, вертя её в пальцах, продолжал слушать журналиста, а тот рассказывал:

– Эти двое убитых... У них нет имен.

– Как так?

– А так, мой человек в управлении говорит, что имен убитых на вокзале у него нет, в общем, никто не знает кто они. Но, кажется, убила их та женщина.

– Ты же говорил, что это была простая вокзальная воровка? – напомнил ему брат Аполлинарий.

– Это официальная версия полиции, – журналист снова понизил голос. – На самом деле там были... англичане.

– Это всего лишь твоя догадка?

– Нет, это сказал мне мой парень, они ловили женщину, но её поймать живой не смогли.

– Давай подведём итог, – Квашнин положил талер перед журналистом. – Ты сам видел три трупа. Один из них труп женщины. Больше ты о них ничего не знаешь?

– Да, так и есть.

– Там были англичане, и полиция также схватила ещё одного человека, какого-то чеха, которого тут же отпустила.

– Получается так, – произнёс журналист.

– Спасибо тебе, Краус, – сказал Аполлинарий Антонович, отдавая монету собеседнику. – Твоя информация мне пригодится.

– Заходи почаще, Вайс.

Они пожали друг другу руки.

Глава 8

Прабабка лорда Кавендиша, восьмого герцога Девоншира, леди Джорджиана, сидела за большим письменным столом, какие как раз недавно вошли в моду; за её спиной было огромное, выходявшее на юг, на набережную окно, через которое в залу могло бы проникать немало солнечного света, но леди Джорджиана последние пару лет не любила солнечный свет. Глаза почтенной леди не выносили его и начинали слезиться, едва им приходилось сталкиваться с ним. Поэтому даже в её прогулочной коляске стекла были темные. Впрочем, она почти никогда не покидала днём своего дворца у озера на фешенебельной улице Юнгфернштиг. Если только дело не было неотложным. А на прогулки выезжала исключительно с наступлением сумерек. Она приказывала прислуге плотно занавешивать окна, предпочитая электрический свет или свечи. Хотя её огорчение последних лет, её бестолковый третий муж всё время требовал у слуг убрать занавеси с окон. И когда те медлили с этим, он безжалостно применял хлыст. Но даже после этого слуги не спешили повиноваться ему, так как они боялись его намного меньше, чем саму леди Джорджиану Кавендиш, герцогиню Девоншир. И почти всегда все окна во всех покоях, кроме личных комнат мужа, были плотно закрыты шторами. Это была одна из её маленьких побед над супругом, которая его так раздражала.

И сейчас под зелёной настольной электрической лампой она как раз раздумывала над окончанием своей новой статьи или, правильнее говоря, доклада, в котором герцогиня снова поднимала вопрос о финансировании флота Её Величества. Леди Кавендиш скрупулёзно искала, подбирала доводы, которыми хотела убедить парламент, что новые, баснословно дорогие корабли, эти самые броненосцы, необходимы Великобритании. Она хотела донести, что именно в этих стальных чудовищах будущее их страны. Конечно же, почтенная леди не собиралась упоминать тот факт, что её седьмой праправнук, юный и очаровательный Дарси Галахер, который не имел никаких шансов хоть на какой-нибудь титул, но к которому она питала странную, если не сказать болезненную привязанность, вложил всё полученное от покойной матери наследство в акции двух верфей. Ну, об этом лордам знать вовсе не обязательно. Им нужно помнить, что Британия – гроза морей, и чтобы поддерживать этот статус, ей необходимы дредноуты, линкоры, броненосцы. И доводы она находила правильные. Ведь там, на той стороне океана, набирал вес новый хищник. Тот хищник был молод и голоден. После кровавой междоусобицы он быстро обрастал конструкторскими бюро, верфями и военными заводами, быстро набирал жир в виде банковских капиталов. Вызов, который он непременно бросит Британии, был только делом времени. И это если не считать европейских конкурентов. Дело было не только в вечных конкурентах за Ламаншем, в этих лягушатниках, которые хоть и отстают от Британии всё больше, но всё ещё пыжятся, стараются тоже что-то демонстрировать. Не забыла леди Кавендиш и про пузатую немчуру, этих вечно воняющих пивом сытых пожирателей колбасы; их клочковатые земли усилиями бедной, но злобной Пруссии и мужлана Бисмарка всё быстрее сворачивались из разрозненных и рыхлых образований в нечто мощное и монолитное. Это не могло не побеспокоить высокомерных лордов. Они должны были понимать, что единая монета, за которую ратует Пруссия и Бисмарк, единая таможня, единая железная дорога обязательно закончатся единой, многолюдной, промышленно развитой и очень мощной страной. И всё это не считая лапотной России, которая хоть и была отсталой, тем не менее всё ближе и ближе подбиралась к главной жемчужине Британской короны – к Индии. В общем, доводы у герцогини были, она почти не сомневалась, что обе палаты одобряют новую, тщательно подготовленную программу постройки стальных чудовищ. И когда герцогиня взяла перо, чтобы уже начать излагать все эти доводы на бумагу, автомат-страж, выполненный в виде хорошенькой женщины с фарфоровым лицом и в пышном платье и стоявший в углу, недалеко от входных дверей, призывно щёлкнул и моргнул лампочкой в левом глазу. Это означало, что к её каби-

нету кто-то приближался. Леди Кавендиш отложила перо и подождала, пока к двери не подойдет. Ей не нужно было ждать стука или открывающейся двери, чтобы понять, кто находится за порогом. Она видела ментальный портрет пришедшего даже через дверь, и едва услышав стук, сразу ответила ровным и чётким голосом, голосом госпожи:

– Входите, Джеймс.

Двери отворились, и на пороге кабинета появился высокий, уже лысеющий слуга в бакенбардах, белых чулках и расшитой ливрее; он остановился у двери, держа перед собой небольшой латунный поднос, и сообщил:

– Телеграмма, миледи.

– От лорда-адмирала? – догадалась хозяйка.

Этот болван, который излишне обо всём переживал, докучал ей уже не первую неделю. Лорд-адмирал писал и писал одно и то же. В каждой своей телеграмме он просил герцогиню со всем вниманием следить за безопасностью его ненаглядного дредноута. А она, обещая приглядеть за кораблём, надеялась на то, что он будет содействовать в некоторых её делах, и поэтому пыталась всячески подчеркнуть свою необходимость и важность.

– Именно, мэм.

– Выброси её, Джеймс.

– Конечно, миледи. Желаете что-нибудь ответить лорду-адмиралу?

– Напиши ему, что линкор «Альбион» находился и находится под моим неусыпным наблюдением. Так будет и впредь..., – она сделала паузу, – а ещё припиши, что я передаю привет его жене. И в телеграмме на этот раз обратиться к нему по имени, назови его «дорогим Александром».

– Конечно, миледи.

Дворецкий повернулся, чтобы уйти, а она специально посмотрела ему вслед, словно пронзила спину взглядом, от которого слуга едва заметно запнулся. А герцогиня с удовлетворением рассмотрела, почувствовала в нём его страх.

Да, он боялся её, как и все другие слуги, боялся до смерти, так как знал, на что способна его всемогущая госпожа. И это правильно. Так и должно было быть. Ей нравился их страх, преходящий в трепет, а зачастую и в религиозное раболепие. У прислуги, у людей низших сословий и категорий такие чувства и должны рождаться в присутствии чистокровной британской аристократки. И чтобы усугубить этот страх ещё немного и получить ещё капельку удовольствия, леди Кавендиш произнесла:

– Джеймс, сколько лет ты работаешь у меня?

Она едва сдержала усмешку, когда почувствовала, как холодная волна ужаса прокатилась по спине слуги. Но тот, надо отдать ему должное, внешне ничем не изменился. Только помолчал немного и ответил:

– Если мне не изменяет память, пятьдесят один год, миледи.

– Да, кажется, так и есть, – притворялась, что вспоминает, герцогиня. – Ты ведь появился у меня в доме сразу после последнего и окончательного поражения корсиканского чудовища. Это было, кажется, ещё... при моём первом муже.

– Именно так, миледи. Я был нанят вашим первым мужем, сэром Уильямом, пятым герцогом Девонширским, – отвечал слуга.

Он всё ещё выглядел невозмутимым, но внутренне, внутренне старик содрогался, так как знал, к чему может привести подобный разговор.

– Пятьдесят один год, – герцогиня внимательно смотрела на своего слугу, и от этого её взгляда у престарелого слуги пересохло во рту. – Это большой срок. Не так ли, Джеймс?

– Немалый, мэм, – как-то обтекаемо отвечал слуга. Он прекрасно знал, что случается со слугами, которые допускают оплошности или стареют. Джеймс машинально распрямил плечи, показывая, что сил у него для работы ещё достаточно.

Кажется, такой простой разговор с госпожой не должен был вызвать у этого преданного человека напряжения. Но всё дело в том, что он сам лично отводил старых или нерадивых слуг либо даже случайно схваченных где-нибудь на улицах Лондона простолюдинов в кабинет доктора Дэвида Мюррея, находившийся в левом крыле дворца. Как говорила сама миледи, «для омоложения и улучшения». Дворецкий прекрасно знал, как «омолаживает и улучшает» провинившихся или ненужных людей гениальный вивисектор Мюррей. Поэтому, когда хозяйка заговорила с ним о годах службы, Джеймс стал волноваться. Волноваться всерьёз. Он ещё неплохо себя чувствовал в свои года – да, лыс, да, уже не так проворен и быстр, чуть хуже стали глаза, но сил у него было ещё достаточно и рассудка он не утратил, а опытом мог ещё долго делиться с молодыми слугами. И очень рассчитывал, что госпожа зачтёт ему годы безупречной службы. Но теперь... после этого разговора... Кажется, у него задрожала рука, в которой слуга держал поднос. Хотя он собрал все свои силы, чтобы не показать этого.

– Что с тобою? Тебе нехорошо, Джеймс? – госпоже не нужны были глаза, чтобы «видеть» как меняется настроение или состояние любого человека, тем более человека, которого она давно знает. Леди Джорджиана просто «видела», когда человек её боится, когда ненавидит и когда хочет что-то скрыть от неё. Леди Кавендиш, герцогиня Девоншир, была от рождения награждена «зрением», «даром» или «видением» и читала в ауре человека любые его эмоции, как текст в раскрытой книге.

– Спасибо, миледи, со мною всё в порядке, – ему снова пришлось делать над собою усилие, чтобы голос звучал так же, как обычно.

– Хорошо, Джеймс, ступай, – миледи сделала вид, что она наконец насытилась этой игрой, и отпустила уже наскучившего ей слугу. Джеймс с лёгким поклоном вышел и закрыл двери, но как только остался в коридоре один, так сразу чуть ослабил накрахмаленные кружева воротника, а потом, уронив на пол телеграмму, опустил поднос и свободной рукой опёрся на стену. Хотел просто перевести дух, хоть пару секунд просто постоять. Ему показалось, всего на мгновение, что опасность миновала. На сей раз госпожа оставила его в покое. Джеймс тут же берёт себя в руки и поднимает с пола бумагу. Всё, отдышался. Тут, у двери госпожи, лучше было не стоять. Ему давно казалось, что это чёртова женщина иногда может видеть и через двери.

Едва он сделал шаг по коридору, как тут же звякнул колокольчик и мигнула лампочка: госпожа звала его.

Джеймс замер, ещё раз поправил воротник и вернулся к дверям; он сделал глубокий вдох, и только после этого раскрыл двери и с почти остановившимся сердцем произнёс:

– Да, миледи.

Госпожа даже не подняла головы от бумаг, над которыми склонялась:

– Не было ли телеграмм от леди Рэндольф?

– Нет, миледи, – сообщил слуга, и к нему снова вернулось сердцебиение, – как только что-то будет, я немедленно вам сообщу.

Леди Кавендиш знаком руки показала ему: свободен. И старый слуга снова закрыл за собой двери.

Глава 9

Иногда ей не требовался дар, и ей достаточно было просто слуха, чтобы понять: леди Рэндольф приблизилась к дому, так как та, вместо обычного конного экипажа, порой приезжала на громоздком, мощном и вместительном паровом экипаже.

На сей раз этот агрегат огласил набережную предупреждающим гудком, пробившимся сквозь плотные портьеры. Леди Кавендиш снова отложила перо и подняла голову. Ей захотелось встать и подойти к окну, взглянуть на это паровое чудо, но она тут же передумала, вспомнив, что сегодня на улице яркое солнце, которого так не любят её глаза.

Не прошло и пары минут, как в дверь постучали. Это были Джеймс и сама Дженнет Рэндольф Черчилль.

– Входите, – разрешила герцогиня.

Джеймс распахнул двери и объявил:

– Леди Рэндольф, миледи.

И после знака госпожи впустил молодую леди в кабинет и тут же удалился, оставив дам одних.

Престарелая госпожа сразу поняла, что у леди Рэндольф день вышел не самый лучший. Иначе она прибыла бы ещё утром. Хвастаться. То есть сообщить о том, что операция прошла успешно. И даже если бы она была занята – прислала бы телеграмму с победными реляциями, но ни утреннего визита, ни телеграммы леди Кавендиш не дождалась, и явилась американка лишь теперь, теперь, когда время шло уже к пятичасовому чаепитию.

Леди Рэндольф вошла в кабинет и сразу присела в книксене; она лишь откинула вуаль, но не сняла ни шляпки, ни лёгкой накидки с плеч, подчёркивая этим, что не задержится в гостях. Но и это не понравилось герцогине:

«Ох уж эти её американские манеры, могла хотя бы снять плащ», – и, подумав так, она решила не предлагать пришедшей стул. – Ничего, постоит. Пусть помнит, кто она и у кого она в гостях».

– Добрый день, миледи, – произнесла пришедшая молодая дама.

– Надеюсь, что он и вправду будет добрый, дорогая моя, – ответила герцогиня. Ей и не нужно было дара, чтобы понять – у леди Рэндольф получилось далеко не всё; тем не менее глава местного отделения ИС спросила у своей подчинённой: – Ведь у вас есть чем меня порадовать?

Ещё два дня назад она передала леди Рэндольф информацию, доставленную из Лондона, о том, что в Гамбург прибывает курьер фанатиков, который привезёт местной банде деньги для проведения акта. Нетрудно было догадаться, какой акт собираются устроить русские. Также было ясно, что его придёт встречать местная связная. Очень важная фигура, которая могла бы вывести на всё русское подполье в Гамбурге. Вся информация была передана леди Рэндольф, и она взялась осуществить эту операцию. Сама просила о том. И какой же вышел результат? И та ответила:

– Отчасти, мадам.

– Отчасти? – неприятные предположения герцогини, кажется, сбывались, и она спросила довольно едко: – Потрудитесь объяснить, что значит это ваше «отчасти».

А ещё леди Кавендиш очень не понравилось, что эта американская выскочка вздумала «закрываться» и не позволяла умудрённой опытом даме разглядывать свою ауру, и как герцогиня ни вглядывалась, она не могла понять настроения своей подчинённой.

– Операция прошла не совсем так, как планировалось, – чувствуя, что герцогиня её тщательно «рассматривает», отвечала леди Рэндольф.

– Что значит «не совсем так»? – леди Кавендиш не повысила голос, но этого было и не нужно, достаточно было легчайшего изменения тона, чтобы леди Рэндольф поняла всю глубину своего падения. И та нехотя ответила:

– Мне не удалось взять связную, мадам. К сожалению.

– К сожалению!? – леди Кавендиш сделала большую паузу. «Она сожалеет. Организация проделала огромную работу, тратила усилия и средства, чтобы выложить этой американке на блюдечке важнейшую информацию: берите и делайте, дорогая... Но нет, она теперь просто сожалеет». Немолодые глаза герцогини сузились. – Не удалось взять? Она ушла от вас? Семнадцатилетнее существо оказалось проворнее и умнее вас и ваших помощников?

– Нет, она не ушла, – твёрдо отвечала леди Рэндольф, – просто нам не удалось её взять живой. Она применила иглу с ядом, когда оказалась в безвыходном положении, куда я её загнала.

– Вы же отслеживали её с тех пор, как она приняла телеграмму? Неужели вы не поняли, что она из себя представляет?

– Мы следили за ней всё это время. Тем не менее...

– Тем не менее? Вы не знали, что имеете дело с фанатиками? Вы полагали, что это существо согласится сотрудничать с нами? – леди Кавендиш сделала паузу, и когда леди Рэндольф не ответила на её вопрос, продолжила: – Она должна была встретить курьера и отвести его к резиденту. Или забрать у курьера деньги и отнести их резиденту. Но теперь она мертва, соответственно... Вы потеряли нить, милочка.

«Милочка», – это вульгарное слово герцогиня употребила специально, чтобы подчеркнуть всю несерьёзность, всю поверхностность собеседницы.

Впрочем, она имела право на подобную колкость: во-первых, герцогиня стояла на два ранга выше госпожи Рэндольф Черчилль, а во-вторых, её праправнуки были ровесниками этой юной особы.

– Но мы взяли курьера, мадам, – чуть более резко, чем обычно, отвечала леди Рэндольф; видно, её всерьёз уколола «милочка».

– Полагаете, курьер выведет нас на резидента? – весьма флегматично, если не сказать саркастично, поинтересовалась герцогиня.

– Вполне вероятно, у него должен быть резервный вариант контакта на случай провала связной.

– Возможно-возможно..., – произнесла герцогиня и тут же перевела тему: – Мне сообщили, что на аэростанции был какой-то переполох, шум, стрельба, беготня. Как бы всё это не попало в газеты; полагаю, что огласка в этом деле нам не нужна. Нас и так упрекают, что мы здесь слишком своевольны. Словно у себя на острове.

– Не проникнет, – заверила леди Рэндольф, – на аэровокзале пытались поймать ловкую воровку, полиция уже сформулировала версию для газет.

– Воровка? А не много ли трупов для обычной полицейской облавы на воров? – спросила герцогиня, демонстрируя подчинённой свою осведомлённость о том, что происходило на аэростанции.

– Вам не о чем волноваться, мадам, – заверила подчинённая, – будет заметка в газете, которая нас устроит. Этот вопрос решён. А пока я займусь курьером. Надеюсь, мне удастся его разговорить, и мы выйдем на резидента.

– Я тоже на то надеюсь, моя дорогая, – всё с той же саркастичностью продолжала леди Кавендиш. Она была почти уверена, что это всё ерунда, что резидент после исчезновения связной не выйдет на связь с курьером ни при каких обстоятельствах, а заляжет на дно или вовсе покинет Гамбург. Но говорить об этом своей юной коллеге она не хотела, пусть американка сломает зубы и опозорится окончательно.

Миледи поигрывала кулоном с дорогим изумрудом на своей груди. Впрочем, если фанатики залягут и уйдут, это уже победа. В идеале было бы прекрасно всех их выловить и переделывать, но срыв планов противника – это был уже приемлемый результат.

– Курьер уже начал говорить?

– Нет, пока молчит, рассказывает легенду, что он торговец из Праги.

– Надеюсь, он заговорит прежде, чем умрёт, – произнесла герцогиня, зная, что это ровным счётом ничего не даст.

– Я прослежу за этим, – обещала леди Рэндольф. – Но для верности я хотела бы просить у вас доктора Мюррея. С ним бы я была уверена в успехе.

Герцогиня улыбнулась ей со всем возможным радушием и ответила ласково:

– Боюсь, что вам придётся закончить дело, рассчитывая только на свои силы, – она сдала паузу и прибавила. – Милочка.

Всё, что могла сделать леди Рэндольф в ответ, так это быть не до конца учтивой. Так она и поступила. Молодая дама, собираясь уйти, вместо вежливого прощания только присела в книксене. И когда она уже была в дверях, начальница её окликнула:

– Дорогая моя, а как быстро умерла эта славянская фанатичка?

– Почти моментально, мадам, но почему вы интересуетесь?

– Какова она была из себя?

– Совсем юна. Прекрасно сложенная, приятная, с хорошими волосами. Очень сильная, быстрая, с отличной координацией... Прекрасно владела оружием. Улучшенным и полицейским пришлось попотеть, прежде чем они загнали её в угол.

– Вот как? – Герцогиня была явно заинтересована. И её молодой сотруднице показалось, что это первый интерес умудрённой жизнью дамы за весь их сегодняшний разговор. – Я хочу знать, что за яд она применила.

– Возможно, что это был кураре, – предположила молодая дама.

– От кураре не умирают мгновенно, от него задыхаются минуту или две, – назидательно, но в то же время отвлечённо говорила леди Кавендиш, думая о чём-то своём.

Леди Рэндольф не стала спорить, она не очень хорошо помнила курс лекций про яды. Не стала спорить и не уходила, замерла у дверей и ждала, пока её руководительница не примет какое-то решение. И та наконец подняла на неё глаза.

– Труп этой русской увезли...

– Полицейские. Скорее всего, в морг криминального управления или в главный городской морг.

– Да..., – задумчиво произнесла герцогиня – и тут же оживилась. – Найдите её труп и привезите мне его сюда.

Тон её был безапелляционен, и как ни хотелось леди Рэндольф возразить, сказать, что она хочет побыстрее заняться курьером, но противиться герцогине она не посмела.

– Конечно, миледи.

– И если вас не затруднит, дорогая моя..., – продолжала леди Кавендиш, – поспешите, он нужен мне свежим.

– Я займусь этим немедленно, миледи, – пришлось пообещать леди Рэндольф прежде, чем уйти.

– Чёртовы выскочки, – тихо и с улыбкой выругалась леди Кавендиш, когда осталась в кабинете одна. У неё пропало желание продолжать работу.

А леди Рэндольф вышла из кабинета своей руководительницы в состоянии лёгкого негодования и быстро пошла к выходу. Всё это было очень, очень неприятно для молодой и полной сил дамы. Дженнет Рэндольф, разумеется, понимала, что операция прошла безупречно, но устраивать ей подобный разнос... Нет, это было недопустимо. Не зря старуху прозывали Джорджиана Холодная. Хотя нет, ей больше подошло бы...

– Поганая мумия! – тихо прошептала молодая женщина и сама, без помощи лакея, распахнула тяжёлую входную дверь.

А у экипажа, что стоял под парами, дымил сигарой Джон Дойл, помощник леди Рэндольф. Главной его задачей было, как говорила старая леди Кавендиш, «укрошение улучшенных». Но и для решения других вопросов этот крупный мужчина с пурпурным лицом и рыжими усами тоже подходил. Уже по тому, что леди Рэндольф забыла опустить вуаль, и по её раздражённому лицу Дойл понял, что начальница устроила молодой сотруднице взбучку. Поэтому он не стал задавать леди Рэндольф вопросов, а расторопно открыл дверь экипажа и откинул ступеньку, а после и галантно предложил руку, чтобы дама смогла опереться: прошу вас.

И та, чуть подобрав юбки, быстро забралась в экипаж. Самого Дойла она, конечно, в экипаж не приглашала, всякий простолюдин должен знать своё место, и обычно он сопровождал её на козлах, возле кучера или водителя экипажа. Мужчина хотел уже «собрать» ступеньку и захлопнуть дверцу, но леди Рэндольф его остановила:

– Подождите, Дойл.

– Жду, мэм, – сразу замер тот.

От старой дамы молодая сотрудница получила чёткое задание, которым нельзя было вот так вот запросто пренебречь: пожилая леди желала видеть у себя труп молодой русской и просила привезти тело незамедлительно. Леди Рэндольф не могла ослушаться её, случись такое – это выглядело бы... да... как акт открытого неповиновения. А подобные эксцессы были бы весьма бесполезны для карьеры молодой сотрудницы Интеллидженс Сервис, ведь именно в этом заведении она и собиралась набрать себе веса. И вес ей был нужен, ей и будущим её детям. Ведь она была американка, попавшая волею судьбы в высшую касту. И именно на этих высотах ей очень, очень хотелось закрепиться. Поэтому молодой и своенравной женщине и приходилось соблюдать эту чёртову субординацию. Но и ехать сама за трупом она не могла. Леди Дженнет, честно говоря, немного волновалась. Ведь именно в это время её подручные занимались русским курьером, прибывшим на дирижабле утром. Руководил допросом Эбердин Тейлор; он был не только отличным сыщиком, также Тейлор был мастером развязать язык молчаливому упрямцу, а помогал ему в этом один улучшенный по имени Саймс. Но порой они излишне увлекались этим интересным процессом, и посему иной раз опрашиваемые субъекты не доживали до конца допроса. А леди Дженнет, которая утром не смогла взять живой связную русских, очень не хотелось потерять раньше времени ещё и курьера. Нет, этого ей допустить было никак нельзя. Случись такое – и можно было бы считать дело, которое ей доверили, полностью проваленным. И что же леди Дженнет было делать? И труп нужно доставить немедленно, и на важном допросе присутствовать необходимо.

– Дойл, – наконец произнесла дама после раздумья.

– Слушаю, мэм, – снова ответил первый её помощник.

– За каким-то дьяволом Холодной леди Кавендиш надобен труп этой русской фанатички, – начала она, – мне же некогда заниматься такими пустяками, мне необходимо поехать на склад к Тейлору. Поэтому за трупом придётся отправиться вам.

Дама говорила твёрдо и уверенно, её тон не допускал в подчинённых ни сомнений, ни раздумий. Герцогине нужен труп – значит, он будет ей доставлен. Дойл это прекрасно понимал и лишних вопросов не задавал.

– Как прикажете, мэм. Куда мне ехать? Наверное... в морг полицейского управления?

– Скорее всего туда, – согласилась леди Рэндольф. – Впрочем, не знаю; где бы ни был труп, найдите его и немедленно доставьте леди Кавендиш.

Она хотела на том и закончить, но Дойл был нуден и мелочен, он всё-таки задал ей вопрос:

– А как мне быть с транспортом, мэм?

Леди Дженнет взглянула на него холодно и, зная, что он потом ещё поднимет этот вопрос, ответила:

– Наймите тот, который сочтёте нужным, – и добавила, так как именно этих слов и ждал её помощник: – Сервис вам возместит затраты.

Глава 10

«Ментальные способности третьего уровня, оценки наставников не самые высокие, и в делах... я бы не сказала, что успехи налицо. Но сомнение... Её сомнение – это нечто выдающееся. Впрочем, как и у всех простолюдинок-выскочек. Провалила верное дело, но ни на секунду не усомнилась в себе. Одно слово – американка».

Леди Кавендиш отбросила перо; нет, сегодня ей уже точно не хотелось работать. Всё настроение ушло. Она встала, взяла свою изящную трость с удобной серебряной рукояткой и пошла к дверям из кабинета. Пятичасовой чай миледи уже пропустила, а до ужина ещё было время. Холодная леди Кавендиш вышла из кабинета и направилась в левую часть своего роскошного дворца. Обоняние почтенной леди давно утратило свою остроту, тем не менее, она почувствовала острый, мускусный запах явно неевропейских животных, как только пересекла черту левого крыла здания. А потом услышала и звуки, которые проникали даже через двери с отличной звукоизоляцией. Миледи добралась до скорее крепких, чем красивых дверей, из-за которых и доносились звуки. Здесь их можно было уже различить вполне отчётливо. За дверью был кто-то большой и сильный, иногда его вой переходил в рык болезненного раздражения, но вскоре снова срывался на вой, почти на скулёж.

Леди Кавендиш, несмотря на кажущуюся слабость, отворила большую, тяжеленную дверь и вошла в огромную, заставленную клетками с животными и медицинскими столами залу. Зала была отлично освещена десятками ярких электрических ламп, а вот окна в ней были попросту заложены кирпичами. И запах стоял здесь жуткий. По-настоящему жуткий. К запаху разнообразных испражнений примешивался запах гноя и крови. А ещё запах страха, вернее, тех веществ, что выделяли десятки испуганных до ужаса, до крика животных. И хиленькая вентиляция с этой жуткой вонью не справлялась. И несколько странных антропоморфных существ, что без одежды и обуви, но со швабрами пытались навести порядок в этом страшном помещении, со своей задачей справлялись не очень хорошо. С непривычки от подобного запаха и вида отвратительных сцен у неподготовленного человека могла случиться рвота, но, судя по всему, леди Джорджиану ни вид, ни запах не смущали, она лишь чуть подобрала юбки, чтобы не испачкать в чём-нибудь подол, и пошла меж столов.

На столах же, повсюду, повсюду, лежали странные обнажённые существа, многие из них были пристёгнуты к столам толстыми ремнями, некоторые просто лежали, другие – скукожившись, сжавшись, скрючившись. Некоторые шевелились понемногу, дышали, издавали какие-то звуки, но многие походили на мёртвых. Были эти существа разных видов и размеров, но все они по своему строению напоминали людей. У одних были ампутированы конечности, причём места ампутаций не купировали, а лишь зажимами зажимали артерии и вены. У других были вскрыты брюшные полости, и их внутренности лежали рядом в грязных чанах. А, например, на крепком металлическом столе по правую руку от герцогини возвышалась гора мышц, могучее существо, заросшее шерстью, грудь которого была вскрыта, и она, если бы чуть скосила глаза, могла бы видеть, как работают его лёгкие и сердце. Дальше лежали два небольших абсолютно гладкокожих существа, больше напоминавших подростков без признаков пола, ещё дальше существа, которым пришили явно чужие головы странных форм. Многие привязанные лежали в лужах собственной крови и испражнений. И почти у всех несчастных, что находились на столах, хоть в каком-нибудь месте, хоть для какой-то надобности был вскрыт кожный покров. Но самое удивительное и ужасное находилось не на столах, а на стульях с крепкими подлокотниками и высокими спинками, расположенных по периметру у стен залы. На тех стульях, хорошо закреплённые ремнями, сидели человекоподобные существа и обычные обезьяны. Все они сидели почти неподвижно, с остекленелыми глазами и приоткрытыми ртами, из которых часто тянулась слюна, их черепные коробки были прикручены к спинкам стульев и искусно

вскрыты, кожа с черепов растянута, а черепные коробки трепанированы, и в их головы можно было без труда заглянуть и разглядеть серо-розовые мозги. Но ни лежащие, ни сидящие существа не удивили герцогиню, она не стала рассматривать их, а деловито пошла вдоль рядов к двум людям, что работали у одного из столов в двух десятках метров от входа. Леди Кавендиш любила подходить к людям сзади и незаметно, чтобы заставить их врасплох, слушать, о чём они говорят, видеть, что делают, но на этот раз ей не удалось приблизиться к тем двоим скрытно; один из людей, тот, чья чрезмерно большая голова не имела ни одного волоса, то ли услышал почтенную леди, то ли почувствовал запах её духов, в общем, этот темнокожий человек в большом сером и покрытом мерзкими потёками халате обернул к ней своё сухое лицо с очень мелкими чертами и, заулыбавшись, кинулся к даме, сразу сгорбившись и молитвенно сложив руки у лица. Подбегая к ней на своих худых и лёгких ногах, он ещё больше согнулся в подобострастном поклоне, но герцогиня не позволила ему приблизиться, а выставила лысому навстречу свою трость и концом её остановила его, прикрикнув:

– Остановись немедленно! – леди Кавендиш перевела взгляд и, увидав высокого человека с грязными, длинными, до плеч, волосами и в грязной, некогда белой рубаше, продолжила: – Доктор Мюррей, прикажите этому существу убраться от меня и впредь ко мне не приближаться.

Человек с длинными волосами повернулся к ней, а потом взглянул на лысого и лениво крикнул:

– Сунак, уберись от госпожи! – и уже успокаивающе добавил. – Миледи, он сыт, послушен и только что справил свои половые потребности, и вообще он никогда не причинит вам вреда.

Это леди Кавендиш видела и сама, в ауре лысого смуглого человека отчётливо читалось лишь раболепие, граничащее с готовностью пресмыкаться. Но он был противен герцогине, и она с заметной силой толкнула смуглого человека концом трости. И продолжила путь к доктору, который, стоя над одним из лежащих на столе существ, держал в окровавленной руке скальпель. Но Сунак последовал за нею, сгорбившись в почтении, и доктору пришлось на него прикрикнуть:

– Сунак! Хватит бездельничать! Зашей девятнадцатому пациенту кишку, а потом промой и зашей ему брюшную полость, я с ним закончил.

– Да, масса, – согласился смуглый человек, поклонился и короткими шажочками на цыпочках побежал к девятнадцатому «пациенту» делать, что велено.

Леди Кавендиш уже подошла к столу, рядом с которым стоял доктор, и хотела что-то ему сказать, но тут в большой клетке у стены зарычала лежащая на полу, в луже крови и мочи, самка гориллы, у которой был вскрыт череп и освобождён от кожи правый бок так, что видна была её печень.

Почтенная дама поморщилась от такого шума и спросила:

– Почему она так кричит?

– Я немного недооценил болезненность операции и то, что она затянется. А морфий я ей давать бесконечно не могу, вы же просили меня..., – тут доктор Мюррей сморщился, как от чего-то противного. – Вы же просили меня экономить.

Эта его гримаса очень не понравилась герцогине, она буквально впилась глазами в искажённую физиономию доктора: тот не в первый раз выказывал ей свою непочтительность. Выказывал прямо в лицо. И она прекрасно видела в его ауре недовольство, граничащее с раздражением... Да-да, этот выходец из низов, из самых мерзких простолюдинов, которого даже и богатым нельзя было назвать, вовсе не собирался пресмыкаться перед представительницей одной из самых родовитых фамилий Британии. Но леди Джорджиана вынуждена была это терпеть – эти его выходки, и эту его непочтительность, и эти его гримасы недовольства, – ведь в отличие от предыдущего вивисектора, который ей служил, доктор Мюррей был гением. И поэтому она просто напонила ему:

– Содержание вивисектория, в котором вы проводите свои эксперименты, обходится мне дороже, чем содержание всего моего двора.

Его кислое выражение вовсе не изменилось, и он парировал:

– Возьму на себя смелость напомнить вам, что я занимаюсь здесь не только своими экспериментами, ещё я тут работаю на вас, миледи, и только сегодня днём мне привезли на разборку несколько моих бывших работ, как ещё живых, так уже и полностью утраченных.

– Я пришла спросить про них, – произнесла герцогиня. – Что с ними?

– Одна модель-страж мертва, пробито сердце, но просто заменить его я не смогу, вся структура сильно повреждена токсином; вторая ещё жива, но тоже повреждена ядом, кое-что из её органов я, конечно, смогу использовать, но и эта модель пойдёт на разборку, а модель-сыщик, – он опять морщился, – просто в утиль. Ещё модель-шпик, ей поставлю новую ногу. В общем, если вы хотите восстановить свой состав, мне потребуется две гориллы, шимпанзе и три человеческих гипофиза. Мужских.

– Две гориллы? – переспросила леди Кавендиш с большой долей сомнения. – А знаете ли вы, мой любезный друг, сколько мне придётся заплатить торговцам, чтобы они привезли из середины Африки ещё двух горилл?

– Понятия не имею! – весьма высокомерно заявил вивисектор. Он ещё и вызывающе хмыкнул при этом.

Но леди Кавендиш и это стерпела, так как сей неприятный тип был весьма ценен и для неё, и для Интеллидженс Сервис. И только сказала:

– Гориллы стоят очень дорого, поэтому я и прошу вас собрать из того, что вам привезли, хотя бы одного нового стража. Тем более, – она указала тростью на клетку с растерзанной гориллой, – у вас после этого эксперимента пара нужных органов всё равно останется.

– Я буду стараться, – обещал доктор нехотя. – И не забудьте про гипофизы, миледи. И прошу вас, передайте своим ловцам, пусть не собирают пьяниц по кабакам, они мне не нужны, я буду их возвращать. Пусть хватают матросов в порту, они прекрасно подходят.

Он едва заметно поклонился и хотел уже приступить к работе, от которой его оторвали, но герцогиня снова заговорила:

– Доктор Мюррей.

– Да, миледи, – он был недоволен тем, что она ещё не ушла.

– Я всё-таки решила поменять глаза.

– Это мудрое решение, – отвечал доктор. Но в его тоне отчётливо слышалось: ну наконец-то поняла, старая карга, что жить с такими глазами просто унижительно. – Вы нашли подходящего донора?

– Кажется, нашла, – отвечала леди Кавендиш. – Это молодые глаза.

– Прекрасно, – сухо сказал Мюррей. – Они не повреждены?

– Я и хотела про это узнать. Дело в том, что девка отравилась.

– Каким ядом? – сразу уточнил доктор.

– Предположительно кураре.

– Это плохо, этот яд повреждает многие ткани организма, тут придётся быть внимательным. И тщательно исследовать глаза.

– Донор уже мёртв, и на тщательное исследование времени нет. – Герцогиня волновалась, что хорошие глаза молодой мёртвой фанатички испортятся. – Я хочу, чтобы вы поставили глаза сегодня.

– Сегодня? – доктор отрицательно покачал своей головой. – Это исключено.

– Боюсь, что мне придётся настоять, – леди Кавендиш уже начинала злиться. Она была уверена, что у юной фанатички отличные глаза, и хотела заполучить их во что бы то ни стало. Герцогиня знала, что проклятые попы из далёкой и холодной России отбирают себе в послушники для борьбы с британскими интересами отличный человеческий материал. И она продол-

жала весьма пугающим тоном, причём не постеснялась вложить в него свой дар: – Я прошу вас, доктор, со всем вниманием отнестись к моей просьбе.

И с доктора сразу слетела его спесь, куда только подевалась, но противиться дару ментала высшего ранга не мог даже такой заносчивый и чванливый человек, как Мюррей. Он сразу сбавил тон и стал объяснять:

– Миледи, я работал весь день, а операция по пересадке органов зрения – дело весьма тонкое. Тонкое, миледи. Мне будет нужно срastить зрительный нерв и сшить кучу мелких мышц. А я уже изрядно подустал. Сунак у меня двужильный, но ведь вы не захотите, чтобы вашими глазами занимался он.

– Конечно не захочу, – всё ещё пользуясь своим даром, говорила герцогиня. – Всё, что касается операций с моим телом, по нашему с вами договору, должны производить вы лично, не перепоручая вашим улучшенным.

– Да-да, я помню, но сегодня я уже устал. Лучше займёмся вашими глазами завтра.

– Но донор уже мёртв, дальше его глаза будут только портиться. Вы же сами мне говорили, что лучше изымать органы у ещё живых доноров.

– Да-да, я так говорил, но вашего донора мы разместим в леднике, уверяю вас, с его глазами ничего не произойдёт, если, конечно, они не повреждены токсином.

Теперь он был вежлив и подобострастен. Совсем не такой, каким был пару минут назад. Даже смотреть на его изменение было ей неприятно.

«Плебей. Плебеи никогда не смогут противостоять дару. Как бы ни были они заносчивы, как бы ни были богаты, дар ломает любого, у кого нет внутренней силы. Только особые люди, раса господ и воинов не гнётся перед даром, – подумала леди Кавендиш и мысленно добавила: – Ну, ещё и фанатики как-то научились противостоять дару».

– Надеюсь, завтра утром у вас найдутся для меня силы, доктор, – сказала она и, не дождав-шись ответа, пошла к выходу.

Глава 11

Как и все берега всех бесконечных рукавов Эльбы, Татенберг был застроен сплошными рядами простых складов и крепких пакгаузов. Днём здесь было необыкновенно оживлённо, но ближе к вечеру местность пустела, так как проживающих здесь людей было не очень много. Моряки, вышедшие пройтись, докеры на пирсах, что остались на ночные выгрузки, извозчики и водители паровых повозок. Пока леди Рэндольф доехала сюда, день уже покатился к закату, и если в городе все улицы были забиты экипажами с отдыхающей публикой, то в этом районе наступали тихие сумерки. У одного из пакгаузов с крепкими воротами и маленькими зарешёченными окнами её экипаж остановился, после чего водитель скинул давление в котле, со свистом выпустив в воздух некоторое количество пара. Видимо, знал, что хозяйка в этом месте задержится.

Тут же одна из створок больших дверей пакгауза раскрылась, и из помещения выскочил очень приметный и весьма неприятный на вид тип. Это был маленький, едва ли больше полутора метра в высоту, но при этом весьма плотный человек; он имел кучерявые, жиденькие волосы, которые на макушке заканчивались лысиной, а его маленькие глазки были закрыты корявыми и гнутыми круглыми очёчками. Губастенький, щекастенький, рыхленький, он был одет в одни свободные портки и старый кожаный передник. Это был Саймс, тюремщик и палач местного отдела ИС. Так, полураздетым, он и выскочил к экипажу леди Рэндольф и, распахнув дверцу и откинув ступеньку, сразу сообщил ей противным голосом:

– Миледи, свинья молчит, запирается.

При этом он протянул ей руку, чтобы она на неё опёрлась. Но благородная дама побрезговала и спустилась из экипажа самостоятельно.

– Вы уже начали? – строго спросила она.

– Нет-нет, миледи, вы же запретили, мы только разговаривали с ним, но это без толку. Он не заговорит, они никогда сразу не говорят, мэм, никогда. Ублюдки фанатики.

Она пошла в пакгауз, а Саймс припрыгивал рядом и верещал всё так же отвратительно:

– А денег-то у него не было. Не было. Пустой, сволочь.

– Не было? – сказала леди Рэндольф, входя в здание. Она уже знала, что ни серебра, ни золота у курьера не обнаружилось, только то, что нашлось у него в кошельке, хотя источник сообщал, что курьер везёт с собой саквояж, набитый драгоценными металлами. Как говорилось в шифровке, в саквояже должно было быть три сотни золотых монет чеканки разных стран и ещё две сотни серебряных.

– Мы его обыскали, но денег не нашли. Только те что в кошельке, – сообщил Саймс, закрывая за нею дверь.

«Значит, и в одежде курьера тоже не было денег? – она сразу поняла, что курьер был не один, просто источник, дававший информацию, знал только об одном курьере. Это было очень плохо. Леди Рэндольф даже поморщилась, как от боли. – Кажется, мне придётся выслушать от Холодной мумии ещё кучу упрёков и оскорблений». И настроение у неё стало ещё хуже от того, что Эбердин Тейлор не соизволил встать при её появлении, так и сидел, мерзавец, развалившись в своём кресле. Одного взгляда на его жёлтую физиономию и чуть прикрытые глаза ей было в принципе достаточно. Но ещё красноречивее говорила о его состоянии лиловая аура негодяя: мерзавец пребывал в состоянии полурасслабленного блаженства, и источник этого блаженства леди Рэндольф знала. Всё было плохо, а этот поганый простолюдин наслаждался опиатами. Это было невыносимо. Она быстро подошла к нему и со всего размаху врезала Тейлору по физиономии своим веером. А веер у леди Дженнет был знатный. Только с виду он был лёгким и элегантным аксессуаром. Он и должен был таким выглядеть. На самом деле это изделие заканчивалось тонкими, бритвенно-острыми пластинами, и стоило его развернуть, как

изящный предмет дамского туалета превращался в острый серп. Эбердину Тейлору повезло, что она ударила его по физиономии сложенным веером и плашмя, впрочем, ему и того хватило.

– О, – он тут же вскочил и схватился за щёку. Кажется, этот человек был возмущён её поступком. Его благодатная аура подрастворилась. – Миледи!

– Я просила вас не употреблять на службе морфий, – едва ли не сквозь зубы произнесла леди Рэндольф.

Теперь его аура была наполнена обидой и возмущением. О этот червь посмел возмущаться. Да. И отвечал он ей весьма нагло:

– У меня разболелась голова! День был непростой. Неужели я не мог принять лекарство?!

Она ничего не ответила ему, и, наверное, поэтому он продолжил всё с тем же вызовом:

– Я буду вынужден доложить об этом инциденте её светлости.

Теперь его аура просто пылала негодованием. Он и вправду собирался сделать это. Ах, как леди Рэндольф желала ещё раз врезать ему по физиономии веером, со всего размаху, но всё-таки ей удалось найти в себе силы и воздержаться от этого. Она оглядела Тейлора и, увидав в его руке несколько бумаг – каких-то, судя по цифрам и штампам, финансовых документов, – спросила у него почти сквозь зубы:

– Что это?

– Это накладные на получение груза с парохода «Вестерн Стар», – отвечал ей Эбердин Тейлор; стоило его отвлечь немного, и его аура снова начала успокаиваться, кажется, он быстро забывал о нанесённой ему обиде. Спасибо морфию. – Этот..., – он кивнул в сторону висящего на цепях господина, – курьер должен был получить шесть ящиков сигар «Хойо де Монтерей».

– Это дорогие сигары, – сразу прикинула леди Дженнет и, взяв бумаги у Тейлора, стала их просматривать. И начала потихоньку успокаиваться. – А, ну вот, и деньги нашлись – две тысячи семьсот сорок талеров вольного ганзейского города Гамбурга.

Она оторвала взгляд от бумаг и поглядела на крупного обнажённого человека, что висел на цепях в нескольких шагах от неё. Он должен был получить товар у капитана «Вестерн стар» и сбыть его, никто бы и не подумал, для чего предназначаются эти деньги. Обычный коммерсант, обычная сделка. Леди Рэндольф всё сразу поняла и решила обратиться к курьеру. Но нужно было соблюдать правила дознания, а одно из них гласило: даже если что-то тебе уже известно, всё равно спроси об этом, хотя бы для того, чтобы знать, насколько человек готов записаться, – ну и выяснить, насколько он глуп вообще:

– Кто вы? С какой целью прибыли в Гамбург?

– Мне очень неловко, – начал было всхлипывать человек, – я тут в таком виде...

– Отвечайте на мой вопрос, – строго, но хладнокровно произнесла леди Дженнет, садясь в кресло, в котором только что сидел Тейлор. – Назовите своё имя!

Висеть на цепях, когда железо безжалостно врезается тебе в тело, – дело не очень приятное. Особенную боль после всякого его движения доставляла мужчине цепь, что была продета ему под мышки и впивалась в грудь. Так как висел он уже, видно, давно, на груди и под мышками образовались насыщенные бордовые и лиловые пятна. Он поморщился от боли, оскалится и стал шевелиться и извиваться, пытаясь повиснуть на цепях поудобнее, а потом, тяжело дыша и останавливаясь чуть ли не после каждого слова, произнёс:

– Дорогая фрау... Это какая-то ошибка... Я Рудольф... Поланек... Я коммерсант из Праги... У меня магазин и две лавки в Праге... И ещё один магазин в Карловых Варах... Меня опять с кем-то путают... Меня с кем-то путают с самого утра...

– Он всё время про это гнусавит, – радостно сообщил Саймс, подходя к висящему на цепях и разглядывая его снизу вверх. – Держит легенду, упрямый ублюдок, думает нас одурачить, – оборачивается и кричит: – А ну-ка, Джонни, тащи сюда жаровню и электрические провода. Сейчас он нам споёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.